

Я — ПРИЁМНЫЙ СЫН

АЛЕКС ГИЛБЕРТ

Посвящается моему деду
Колину Бертрану
Макконахи (1927-2017)

Alex Gilbert

I'm Adopted

My story as a Russian — New Zealand adoptee,
the search for my birth parents and my goal
with helping others re-connect

Алекс Гилберт

Я — приемный сын

История о мальчике из России, усыновленном в Новую Зеландию, о его поисках кровных родителей и цели, которую он поставил себе: помогать родным людям воссоединяться

альпина
ПАБЛИШЕР

МОСКВА
2018

УДК 929
ББК 84
Г47

Книга издана при поддержке
«Электронной торговой площадки ГПБ»

Выпускающий редактор Э. Гарифулина
Переводчик А. Гришин
Редактор А. Рух
Иллюстрации Е. Смишливой

Г47 Гилберт А.

Я — приемный сын / А. Гилберт; пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер,
2018. — 104 с.

ISBN 978-5-9614-1941-2

История Алекса Гилберта – о поисках и волнительных путешествиях, открыти-
ях и секретах прошлого, встречах и расставаниях, дружбе и семейных отношениях.

Алекс, родившийся в Архангельске, в раннем детстве был усыновлен семьей из
Новой Зеландии. В своей книге он рассказывает о том, как искал и нашел биоло-
гических родителей, участвовал в популярном телешоу, узнавал Россию изнутри
и о чувствах, которые испытал на этом пути.

УДК 929
ББК 84

*Все права защищены. Никакая часть этой книги не
может быть воспроизведена в какой бы то ни было
форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в сети интернет и в корпоративных се-
тях, а также запись в память ЭВМ, для частного или
публичного использования, без письменного разреше-
ния владельца авторских прав. Книга доступна для
бесплатного скачивания на сайте Фонда Тимченко
www.timchenkofoundation.org. По вопросу организации
доступа к электронной версии книги обращайтесь по
адресу inform@timchenkofoundation.org*

© Alex Gilbert, 2018
© Издание на русском языке, перевод.
Благотворительный фонд Елены
и Геннадия Тимченко, 2018
© Оформление. ООО «Интеллектуальная
Литература», 2018

ISBN 978-5-9614-1941-2

Право быть собой

С Алексом Гилбертом мы познакомились на съемках телевизионной программы. Это было в 2015 году. Я участвовала как эксперт во многих радиоэфирах и телепрограммах, посвященных приемным детям. И нередко в центре дискуссии оказывалась тайна усыновления — семья забрала ребенка из детского дома, растила, скрывала правду, и вот уже взрослый человек узнавал о своем происхождении в 30, 40 и даже 50 лет. Для каждого усыновленного это оказывалось ударом. Страшно было смотреть на лица людей, которые в зрелом возрасте переживали катастрофу: рушилась картина их мира. Но еще страшнее было слышать комментарии зала: «Надо было и дальше скрывать», «Да он просто неблагодарный», «Пусть ноги целует за то, что его подобрали и вырастили». Чудовищная жестокость по отношению к усыновленным детям. Они не выбирали такой судьбы, не выбирали новых родителей, которые решили всю жизнь им лгать. Хотя, если разобраться, и усыновители не слишком виноваты: они скрывали правду не из злого умысла, а только от неосведомленности, от страха потерять любовь своих детей. Это стигматизация нашего общества провоцировала ошибки. Я старалась говорить о праве каждого человека на свою собственную историю, о пагубном влиянии тайны усыновления на психологическое здоровье детей, о ее вреде для доверительных отношений в семье. Но кто все это слышал?

Зато когда на телевизионном канале появился Алекс Гилберт — живое воплощение ПРАВДЫ усыновления — зрители начали кое-что понимать. Алекс был глубоко благодарен своим усыновителям, прекрасным и честным людям. Он искренне их любил, что сразу бросалось в глаза. Его жизнелюбие и оптимизм доказывали, что он абсолютно гармоничен и счастлив. И не испытывает ни малейшего дискомфорта от осознания — «я приемный ребенок». Скорее, наоборот, гордится своей историей: это надо же, из Архангельска в Новую Зеландию! На фоне тяжелых страданий тех, кто всю жизнь прожил с тайной, легкость и жизнелюбие Алекса казались чудом. А еще — шансом уничтожить миф о необходимости тайны усыновления в нашей стране.

После программы мы с Алексом стали общаться. Начали переписываться, делиться друг с другом идеями и проектами, которые нас занимали. Я в то время

писала книгу об усыновлении подростков, Алекс тоже признался, что пишет свою историю. Тогда у нас и возникла общая мечта: издать его книгу в России, на русском языке. Я долго думала, как это реализовать, искала пути, но сначала ничего не получалось. А в 2107 году Алекс сообщил, что собирается прилететь в Москву. Я предложила ему остановиться у нас в доме и еще пригласила на несколько мероприятий: Всероссийский форум замещающих семей и встречу клуба приемных родителей. Алекс с радостью согласился. На Форуме мы и встретились с Эльвирой Гарифулиной, руководителем программ Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. Я познакомила Эльвиру с Алексом, наш разговор зашел о его книге, о важности этого текста для просвещения российского общества. И тут пазл сошелся. Через некоторое время Эльвира ответила, что фонд готов поддержать издание.

Я глубоко уверена в том, что книга Алекса Гилберта для большинства моих соотечественников станет открытием. Станет новым взглядом на любовь и отношения в приемной семье, которой не должны мешать ни стереотипы, ни тайны!

*Диана Машкова,
писатель, журналист, мама 4 детей,
3 из которых приемные,
основатель Клуба замещающих семей в Москве*

Новый взгляд на тайну усыновления

Я поняла, почему Диана Машкова предложила мне познакомиться с Алексом Гилбертом. При встрече с Алексом симпатией к нему проникаешься мгновенно. Даже если понимать друг друга мешает языковой барьер, по его открытой улыбке, мимике, жестам — «считываешь»: перед тобой не только обаятельный оптимист, но и очень мудрый, с внутренним стержнем молодой человек.

В своей книге Алекс честно рассказывает свою историю, историю мальчика, от которого мама отказалась при рождении, и он попал в архангельский дом ребенка. В двухлетнем возрасте его (и еще одного мальчика) из архангельского дома ребенка усыновила новозеландская семья. Первые два года жизни, которые он провел в учреждении, Алекс не помнит...

Джанис и Марк Гилберт никогда не скрывали от сыновей, что усыновили их. Из Архангельска Гилберты привезли русские игрушки, фотографии города, сувениры. В детстве Алекс часто рассматривал эти вещи. Он много спрашивал родителей о кровной семье, родители были честны, но многого рассказать не могли — все, что они знали, это имена кровных родителей сына, которые были указаны в документах на усыновление. И даже имя отца, как оказалось, было в них вымышленным.

Алекс — прекрасный сын для Гилбертов; по отношению к ним он был также честен, как и они по отношению к нему. Родители поддерживали сына в поисках кровных родственников, хотя очень волновались, не зная, к чему эти поиски приведут. Алекс не только нашел и принял свою маму, подружился с папой — в своих книгах он показал тысячам детей, что важно знать свою историю. Вопросы Алекса и найденные им ответы — это не только его история. Алекс получил и получает множество писем от детей и молодых взрослых, которые задавались похожими вопросами, но боялись искать ответы.

Мы решили поддержать издание книги на русском языке, потому что уверены: эта книга полезна всем. Она уже помогла многим детям во всем мире и поможет российским детям, оставшимся без попечения родителей, понять,

что интересоваться своей историей, своей семьей, своими корнями — нормально. Специалисты знают, что в каком возрасте не отказались бы от ребенка — это влияет на всю его последующую жизнь. Знают об этом и приемные родители, и дети. Но знание — знанием. Мы читаем письма и дневники приемных семей, общаемся с приемными и усыновленными детьми и их родителями и видим, что тема кровной семьи вызывает сложности. Родители — опасаются потерять любовь детей, боятся травмировать ребенка, не понимают, как и когда лучше начать разговор на эту тему. Дети тревожатся, что интерес к кровной семье — это предательство по отношению к приемной.

История Алекса убеждает детей, что принятие кровной семьи и своей жизненной истории позволяет чувствовать почву под ногами, какой бы жесткой эта история не была. Поможет эта книга и детям, которые воспитываются в детских учреждениях. Родители приемных и усыновленных детей, специалисты, проводящие школы приемных родителей и оказывающие поддержку замещающим семьям, сотрудники опеки и попечительства, принимающие решения, — смогут увидеть глазами ребенка значение кровной семьи.

Традиция делать тайну из прошлого ребенка — странная. На примере Алекса мы видим, что когда ребенок изначально знает правду и принимает ее, у него вырабатывается иммунитет. Такому ребенку сложно причинить боль правдой.

В «библиотечке» программы «Семья и дети» фонда Тимченко — книги экспертов, приемных родителей и детей. Мы с большим уважением относимся к людям, которые работают для детей и делятся с коллегами знаниями. Но не менее ценны чувства детей, которые они переживают, и их мнение. Мы благодарны Алексу за то, что он открыто и честно поделился ими с нами, своими читателями. Благодарны ему за проект I'm Adopted — Алекс помогает детям со всего мира помочь найти кровных родителей в России. Сам Алекс говорит, что это поиски в темноте — никогда не знаешь, что тебя ждет за той стеной, где ты найдешь правду. Но, какой бы она ни была, это правда о тебе.

Надеемся, что эта книга окажется интересной и полезной для вас, что она поможет увидеть под новым углом «тайну усыновления» и формирование доверительных отношений. Будем благодарны за ваши отзывы.

*Эльвира Гарифулина,
кандидат социологических наук,
руководитель программы «Семья и дети»
Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко*

Начало

Меня зовут Алекс Гилберт. Мне двадцать пять, я живу в новозеландском городе Окленде, куда семь лет назад переехал из Фангареи. Эта книга рассказывает о том, как я рос приемным ребенком и как пришел к мысли о помощи другим приемным детям по всему миру. В 2013 году я написал книгу о поиске своих кровных родителей, которая называется «My Russian Side». Ее перевод на русский язык получил название «Моя русская семья».

Я родился 1 апреля 1992 года. Моей матери Татьяне было тогда девятнадцать или двадцать лет. От нее я получил имя Александр Викторович Гусовский. (Как позднее выяснилось, она почему-то не захотела тогда назвать настоящее имя моего отца, почему — я так и не знаю, она не объяснила причину этого решения.) Татьяна жила в Архангельске — городе недалеко от Северного полярного круга. Если поглядеть на карту мира, то изумишься — кажется, это место далеко от всего на свете. Архангельск — холодный город. Дни там очень короткие зимой и очень длинные летом; город расположен так далеко на севере, что кажется совсем непривлекательным для жизни. На самом деле он очень красивый, в нем множество старинных домов и дружелюбное население. Архангельск раскинулся почти на триста квадратных километров, и живут там свыше трехсот тысяч человек. Кстати, в Новой Зеландии немало приемных детей из того же архангельского Дома ребенка, со многими из них я даже знаком.

Родив меня, Татьяна переехала из Архангельска в Рыбинск, оставив меня в больнице, где меня выхаживали, потому что я был очень слаб, а потом передали в Дом ребенка. Я не обвиняю и не сужу ее за это решение, поскольку в то время многим жилось очень тяжело. Естественно, я ничего из тех событий не помню, но мне все же известно, что медсестру, ухаживавшую за мною в больнице, звали Елена.

Татьяна сама выросла в детском доме, и я не могу представить себе, насколько трудным было для нее то время, но рад, что она оставила меня в приюте — ведь иначе я не оказался бы там, где нахожусь сейчас. Тогда же она приняла решение не рассказывать обо мне Михаилу, моему биологическому отцу. В последний раз он видел мою мать еще до того, как она поняла, что беременна. С тех пор в Архангельске о ней ничего не слышали.

Я ничего не помню о первых двух годах жизни в приюте. Судя по фотографиям и видеозаписям, которые мне довелось увидеть, Дом ребенка содержался в хорошем состоянии, а персонал заботился о детях. Мне рассказывали, что я был веселым младенцем, но, конечно, не осознавал, что происходило вокруг. Вероятно, там я научился произносить отдельные слова и понимал то, что слышал. Но впоследствии мне это не очень-то помогло: это было слишком давно, так что мне было непросто выучить русский язык заново. Я не перестаю пытаться его выучить, хотя и убежден в том, что овладеть им в совершенстве можно, лишь довольно долго прожив в России.

Моя история начинается в 1994 году, когда мои нынешние родители приехали в Россию, чтобы усыновить одного или двоих детей. Мама, Джанис Гилберт, выросла на овцеводческой ферме на Южном острове. Когда ей исполнился двадцать один год, она оставила дом и отправилась повидать мир. Четыре года мама проработала в Лондоне, и за это время побывала в разных частях Британии и во многих европейских странах. Папа тоже в молодости уехал из дома и отправился по свету. Он немало попутешествовал и, наконец, осел в Лондоне. В 1980 году, когда оба уже сполна утолили тягу к странствиям, их познакомили общие друзья-австралийцы. В 1982-м родители вернулись в Новую Зеландию и поселились в Фангареи. Через два года они поженились и остались жить в этом небольшом городке в двух часах езды от Окленда, население которого тогда составляло примерно шестьдесят тысяч человек. Наверное, поэтому в Фангареи почти все друг друга знают, а любой, кто умудряется хоть чем-то отличиться, превращается в настоящую знаменитость.

Поняв, что у них не может быть своих детей, мама и папа задумались об усыновлении. В Новой Зеландии практически нет сирот, поэтому они обратились в ICANZ — Новозеландское агентство по международному усыновлению. Это потрясающая организация, благодаря которой множество супругов из Новой Зеландии смогли обзавестись долгожданным ребенком, так что выбор моих будущих родителей был вполне понятен. Они выяснили, какие требования предъявляются к потенциальным усыновителям, затем с ними

провели подробное собеседование, чтобы удостовериться, подходят ли они на роль родителей. Собеседование прошло успешно — впрочем, в этом сразу не было никаких сомнений. Они твердо решили взять двоих приемных детей.

Международное усыновление — процесс небыстрый. Лишь в июле 1994 года мои будущие родители отправились в Россию, в Архангельск, на встречу событию, которое полностью изменит их жизнь. Они рассказывали мне, что распланировали эту поездку до мелочей, чтобы все прошло как надо. Нетрудно представить, как много им предстояло учесть и сделать. В Архангельске родители поселились у местной супружеской четы, Ольги и Евгения, которые отнеслись к ним с большой заботой. Мама и папа впервые встретились со мной и моим будущим братом Андреем через день или два после прибытия в Архангельск. Мы были слишком малы для того, чтобы запомнить подробности знакомства. Пока шло оформление документов на усыновление, родителям разрешалось гулять с нами в окрестностях Дома ребенка. Мне и брату, маленьким детям, было трудно понять, что происходит и оставалось лишь верить, что окружающие примут верное решение.

Это случилось 1 августа 1994 года. Нас официально усыновили. В тот день я официально получил имя Саша Александер Гилберт. А через четыре недели после приезда мамы и папы в Архангельск мы с Андреем прибыли в Фангареи. Это было потрясающе — оказаться в такой семье! У меня до сих пор хранится домашнее видео, запечатлевшее наши первые шаги в новом доме. Мы никогда не видели ничего подобного, все было просто удивительным. Новая одежда, новые игрушки, у каждого — отдельная спальня... Так началась наша жизнь в Новой Зеландии.

Я помню первое Рождество в доме маминых родителей в Лочиэле близ Инверкаргилла. Всем не терпелось увидеть нас, новых членов семьи. И, конечно, я до сих пор помню свой первый день рождения на новой родине. Помню свой первый учебный день в Морнингсайдской начальной школе в Фангареи, куда я пошел в апреле 1997 года, а Андрей в июле. В тот день меня снимали для общей фотографии класса, и я пытался понять, что к чему. Со мной была мама, и я завел первых друзей. Кое с кем из них мы до сих пор поддерживаем связь.

Какой же замечательной порой было время обучения в Морнингсайдской начальной школе! Я ходил на дни рождения к друзьям и принимал гостей на собственных. Это были главные события года! А из школьных будней лучшими моментами были экскурсии — мы передавали листочки-уведомления

родителям, те говорили «да», и вопрос был решен. В школе я многому научился. Моими любимыми предметами были рисование, письмо и творческое развитие. До сих пор вспоминаю день, когда получил право писать ручкой, потому что мой почерк стал достаточно хорош для этого. Правда, не уверен, что смог бы повторить это достижение сегодня: теперь я в основном пишу на компьютере, так что почерк у меня стал гораздо хуже, чем в школе.

Когда я пошел в школу, меня стали называть Саша — таково мое официальное имя. Я не стал менять его, но предпочитаю, чтобы меня называли Алексом по второму имени — Александер. Дети в школе часто говорили мне, что Саша — девчачье имя, спрашивали, откуда оно взялось, и почему меня так называли. В детстве никто из нас толком не знал ни о России, ни о том, как происходит усыновление, так что я просто говорил, что так меня назвали потому, что я из России и что там этим именем называют и мальчиков.

Перейдя в среднюю школу, я решил, что буду впредь именоваться Алексом. К новому имени быстро привыкли все, кроме бабушек и дедушек — кажется, им Саша нравится больше. Нас с Андреем часто спрашивали, как же получилось, что мы, два брата, учимся в одном классе. Но это никогда не было для нас проблемой, наоборот — всегда было кому напомнить про несделанные уроки.

В детстве я был неутомимым сочинителем и был готов делиться своими историями с каждым, кто оказывался поблизости. А сегодня я пытаюсь понять, был ли в них какой-нибудь смысл. Для меня — точно был. Я писал о семейных праздниках, записывал интересные события, а их у нас было много. Например, я прекрасно помню наше путешествие на Фиджи, о котором давно мечтали родители. А еще поездка в Австралию, когда мне было девять. Я попал туда впервые и эта страна произвела на меня неизгладимое впечатление! Я увидел крокодилов, коал и кенгуру. У нас в Новой Зеландии они были редкостью.

От детства к юности

Чем старше я становился, тем сильнее осознавал свои корни. Я никогда не испытывал желания найти своих настоящих родителей и не стремился в Россию, чтобы воссоединиться с ними. Я лишь думал, что неплохо было бы узнать, кто они. Каждый год, 1 апреля, в свой день рождения, я гадал, вспоминают ли мои биологические родители об этой дате, думают ли о том, как сложилась моя судьба. Своими родителями я всегда считал маму и папу, с которыми живу. Они вырастили меня, ничто и никогда не отменит этого. Эти люди сделали меня тем, кем я являюсь сегодня. Кровные родители лишь ввели меня в этот мир.

С детских лет я интересовался культурой и языком России, тратя немало времени на разглядывание картинок и чтение книг из нашей домашней библиотеки. Мама и папа много говорили со мной о моем происхождении и с предельной честностью открывали все, что знали. Я много раз спрашивал их о своих биологических родителях, но им были известны лишь имена, приведенные в документах.

В девяностые социальные сети еще не были развиты так, как сегодня, и поиски можно было вести только при помощи частных сыщиков или через агентства по усыновлению. Интернет уже распространялся по миру, но его ресурсы были еще весьма ограничены. Мы подключились к нему в конце девяностых и частенько сидели всей семьей, наслаждаясь потоками информации. Казалось, здесь можно было найти ответ на любой вопрос.

Когда я учился в средней школе, мысль о поисках биологических родителей все также пребывала где-то на окраине моего сознания и уж определенно не возглавляла список того, что предстояло сделать. Школьные годы стали для меня едва ли не самыми чудесными в жизни. Именно в это время у меня зародился интерес к кино, и я понял, что именно в этой области намерен

делать карьеру. В 2002 году я начал посещать сразу несколько курсов видеосъемки, запоем читая в местной библиотеке соответствующую литературу. Я читал и о том, как создаются фильмы, как можно снять кино в домашних условиях. Мне хотелось сделать короткий фильм о чем-нибудь, но я не знал, с чего начать. Вообще-то меня всегда увлекала фиксация воспоминаний, будь то съемка, звукозапись или просто текст. У меня не было никакого оборудования, поэтому в 2005 году я устроился на свою первую работу — разносчиком газет — и к концу года скопил сумму, позволившую мне купить простенькую камеру.

Еще в 2004 году я немного снимал и создавал небольшие проекты вместе с друзьями, пользуясь их техникой. Обзаведясь собственной камерой, я смог снимать когда угодно, и, откровенно говоря, был настолько одержим этим процессом, что родные постоянно видели перед собой мой объектив. Я знаю, что мой брат Андрей терпеть не мог сниматься, но и он по большей части мирился с моей страстью.

Ближе к концу 2005 года перед нашей семьей встал выбор: отправиться в путешествие по Северному и Южному островам Новой Зеландии, посетить при этом как можно больше городов, или поехать в Европу и Россию. Я стремился как можно скорее попасть в Россию, но Андрей не горел таким желанием. Я понял, что будет разумнее отложить визит в нашу родную страну до тех пор, пока мы не станем взрослее.

Мы объездили всю Новую Зеландию и увидели немало потрясающего. Вооружившись камерой, я снимал большие и маленькие города, туристические достопримечательности, множество уникальных мест. Это было путешествие из тех, что случается раз в жизни. Похожие чувства я потом еще раз испытал — когда обзавелся своей первой восьмимиллиметровой кинокамерой и смотрел на мир через ее объектив. Впрочем, с тех пор я здорово продвинулся, купив видеокамеру Mini DV. Она подарила мне ощущение, что теперь я самый крутой парень в городе.

Вернувшись в Фангареи, мы с братом пошли в старшую школу. Это был новый этап в моей жизни, я опять не знал, что он принесет. Начинаясь 2006 год, скоро мне должно было исполниться четырнадцать, и я предвкушал ожидающие меня перемены. В то же время я не переставал заочно знакомиться с Россией, узнавая о ней все больше, находясь в своем родном городе. Я еще не был готов к активным действиям, но у меня уже появилась уверенность, что их время обязательно настанет. Пока же мы с братом ходили

в школу для мальчиков, куда родители определили нас, чтобы ничто (или никто) не отвлекало нас от учебы. Тем не менее не отвлекаться никак не получалось, ведь буквально через дорогу от нас находилась школа для девочек! Едва начались занятия, как я влюбился в одну из них. Раньше мы учились вместе, и я нисколько не сомневался, что она согласится стать моей подружкой. Надежды не оправдались: несмотря на все старания, я так и не смог привлечь ее внимание. За первой влюбленностью последовала вторая, потом третья... Годы обучения в старших классах были временем моего взросления, и я частенько увлекался. Помимо девчонок, у всех нас тогда появилось еще одно увлечение — социальные сети. Я завел профиль в социальной сети Bebo, а затем аккаунты на Facebook и MSN. Закончив делать уроки, мы больше всего любили засесть перед компьютером и болтать друг с другом в мессенджерах. Кстати, оглядываясь назад, я никак не могу понять, почему это казалось настолько важным: включить MSN, чтобы увидеть, кто из друзей находится онлайн.

А тем временем мой интерес к кровным родителям превратился в конкретную цель. Это был конец 2009 года...

Первые поиски

Начал я с того, что прямо спросил маму и папу о том, как они отнесутся к моему желанию отыскать биологических родителей. Моему намерению они, к счастью, обрадовались. Но всем нам было понятно, что поиски будут долгими и трудными.

Первым делом я решил обратиться в ICANZ¹. Социальные сети уже бурно развивались, однако мысль о них почему-то не пришла мне в голову. Впрочем, довольно быстро я узнал о существовании «ВКонтакте» и завел там свою страничку в надежде на то, что мне это поможет.

Я спросил у мамы и папы совета о том, как можно получить хоть какую-то информацию по интересующему меня вопросу, кроме как из хранившихся у нас дома документов о моем усыновлении. Они предложили поискать в России специалиста с опытом в подобного рода вещах, а в ICANZ даже посоветовали такого человека. Получив его электронный адрес, я связался с ним, рассказав, что пытаюсь отыскать кровных родителей и что мне известны только их имена, указанные в документах на усыновление. В ответ мой корреспондент сообщил, что готов взяться за поиск, но предупредил, что это задача не из легких и быстрых, нас точно будет ждать много трудностей. Тогда я решил, что еще не готов к таким радикальным действиям, и стоит немного подождать. Я ограничился лишь поиском по «ВК» и Facebook, но он не дал результатов. Поэтому я снова начал думать о том, чтобы привлечь специалиста, а не продолжать самостоятельные попытки. Думал я и о чувствах своих российских родителей. Не расстроит ли их мое внезапное появление? В общем, я не знал, правильно ли поступаю, но от желания узнать, кем были

¹ Новозеландское агентство по международному усыновлению. — *Прим. ред.*

и как выглядят люди, когда-то давшие мне жизнь, я не отказывался. В конце концов, не так уж много я и хотел.

Конечно, я знал о случаях, когда успех в поисках, подобных моему, не приносил ничего, кроме разочарования. Именно поэтому, на мой взгляд, начинать их стоит в достаточно зрелом возрасте, чтобы иметь силы смириться с любыми, даже не слишком приятными открытиями.

Тем временем я выросел, у меня появлялось все больше дел. В 2010 году я окончил школу, пора было решать, чем заниматься во взрослой жизни. Меня по-прежнему привлекали кино и телевидение, и я все еще хотел стать оператором, каких бы усилий мне это ни стоило. Мама и папа были в курсе моих планов и всячески поддерживали меня. Полностью сосредоточившись на этой задаче, я решил, что поиски родителей сейчас не так важны.

Зная, что ради цели связать себя со съемками мне предстоит покинуть Фангареи, я выяснял, где поблизости можно выучиться на кино- и телеоператора. В итоге я записался на годичные курсы в Окленде, занятия начинались с февраля 2011 года. Я хотел заниматься этим делом и желал независимости, хотя и понимал, что не очень-то готов в восемнадцать лет начинать самостоятельную жизнь. Также мне сразу было понятно, что я буду скучать по родному Фангареи, но желание двигаться вперед подталкивало меня к этому шагу. В итоге, уехав учиться, я довольно быстро приспособился к новой жизни. Мои сокурсники оказались просто замечательными! Мы отлично ладили, многие из них до сих пор остаются моими друзьями. У всех нас была одна и та же цель: сделать карьеру на телевидении и в кино.

Одним из первых практических занятий на курсах было взаимное интервьюирование. Мне пришлось вести свой рассказ на тему «Мои родители: что я знаю о них». Конечно, тогда мне было известно очень мало, и интервью получилось очень коротким. Один из студентов спросил, хочу ли я встретиться с ними, и этот вопрос на какое-то время вернул меня к мысли о поисках — но все же я опять предпочел отложить это и сосредоточиться на занятиях.

Все вокруг знали, что я приемный ребенок, родившийся в России, и часто любопытствовали, что мне известно об этой стране. Я же всегда отвечал, что уже пять лет мечтаю узнать о ней побольше, а теперь еще и планирую снять документальный фильм о поисках родителей и, обязательно, об их успешном завершении. Я постоянно думал, с чего же начать эту историю, как рассказать всю правду, не оскорбив при этом чувства своих родных. Я страстно хотел

задокументировать эту часть моей жизни, а фильм — это наиболее близкий мне способ фиксации и сохранения воспоминаний.

2011 год пролетел очень быстро. Всей нашей группе так нравилось учиться, что мы согласились бы заниматься еще много лет. Покидая киношколу, мы знали, что теперь все зависит только от нас самих: нужно просто выйти в жизнь и показать все, на что мы способны.

Мое обучение закончилось, настало время получать новый опыт.

Я нахожу моих кровных родителей

Когда я был школьником, мне довелось получить небольшой опыт работы в телецентре Фангареи, а во время учебы на курсах я с удовольствием работал на новозеландском детском шоу What Now? («Что же теперь?») Я знал: чтобы перейти на следующий уровень мастерства, мне нужно набраться опыта, и принялся за поиски работы.

Вскоре после окончания киношколы мне представилась возможность поработать оператором-практикантом на съемках фильма «Император», которые проходили в Окленде в начале 2012 года. Это был незабываемый опыт! А в марте того же года я получил предложение от воссозданного оклендского телеканала «Образ жизни». Мне очень нравилось жить в Окленде, так что я с радостью согласился. Как я и мечтал, меня взяли на должность оператора прямых эфиров; так началась моя первая настоящая работа на телевидении. Теле- и киносъемки всегда были моей страстью, и поэтому я быстро просунул ногу в приоткрывшуюся дверь.

Рабочий день у меня был ненормированным: случалось работать и поздней ночью, и ранним утром, а иногда я и вовсе сидел в офисе с девяти утра до пяти вечера. Зато была масса возможностей, чтобы знакомиться с новыми людьми. Я наслаждался этой работой и был твердо уверен, что это лишь начало, что совсем скоро передо мной откроются интересные возможности.

И вот мой работодатель взялся за разработку новых проектов, и из США приехал американский продюсер Аарон Каротта, чтобы снять кулинарное шоу на новозеландском материале. Ему требовался оператор, и, когда я сказал ему, что учился работе с камерой и ради получения опыта готов трудиться

хоть даром, он заинтересовался. Дело происходило в середине 2012 года. Я только-только начал работать на телевидении, но дела у меня шли хорошо. А шанс вести съемки по всей Новой Зеландии был настолько роскошным, что в него даже верилось с трудом! Моя первая съемка с Аароном состоялась в Роторуа, находящемся в трех часах езды от Окленда. Приехав туда, я встретился с главным оператором, и он долго мучился, прежде чем придумал, чем меня занять... В общем, мы сняли несколько эпизодов шоу, которое быстро стало очень популярным у зрителей. За это время мы с Аароном довольно близко сошлись, так что в начале 2013 года, после окончания работы в Новой Зеландии, он предложил мне посотрудничать с ним за океаном. Первая съемка предстояла в Сеуле, столице Южной Кореи. Я был в восторге от происходящих со мной событий! За год, проведенный в маленьком телецентре, я успел многому научиться и чувствовал себя готовым к предстоящей поездке. Но, когда я сказал родителям, что меня пригласили снимать в Южной Корее, они заподозрили недоброе и расслабились только после того, как я показал им маршрутную карту. Аарон, продюсер шоу и весь персонал прекрасно организовали перелет, так что я сам не заметил, как оказался в Сеуле.

Эта поездка в далекую страну вновь пробудила мое давнее желание посетить Россию. В Сеуле я рассказал Аарону о своих планах отыскать биологических родителей. Аарон уже стал для меня хорошим другом и сказал, что будет рад помочь, если мне удастся напасть на след. Я помнил свою предыдущую попытку поиска и решил, что на этот раз возьмусь за дело иначе. Мне нужно было подобрать другие источники, которые позволили бы отыскать какие-то зацепки.

По возвращении в Новую Зеландию я навестил родителей в Фангареи. Они очень обрадовались моему благополучному прибытию. Я попросил еще раз показать мне документы по моему усыновлению, чтобы еще раз попробовать найти что-нибудь важное. Было ясно, что найти двух человек в огромной России, да еще и находясь в Новой Зеландии, будет ох как нелегко. В имеющихся у нас бумагах были указаны только имена — ни дат рождений, ни тем более фотографий. Я еще раз пробежался по давно знакомым сайтам. К Facebook и «Вконтакте» прибавились «Одноклассники» — социальная сеть, которую в России предпочитает более возрастная аудитория. Я понял, что для дальнейших поисков мне понадобится человек, владеющий русским языком.

В Окленде оказалось немало русских, так что я получил массу предложений от людей, желавших помочь мне с российскими социальными сетями. Одна семейная пара провела для меня поиск и обнаружила имя моей матери, Татьяны Г., среди участников одного из сообществ. Тогда я попросил откликнуться кого-нибудь из его участников. Одна из участниц, Элеонора, сообщила, что знакома с Татьяной Г., живущей с ней в одном городе, но не слышала, чтобы у нее были дети. Элеонора поинтересовалась, зачем я ищу Татьяну. В ответ я рассказал свою историю — с самого начала, все, что происходило со мной после отъезда из России в раннем детстве. Элеонору это удивило, ведь Татьяна никогда не говорила о моем существовании. Тогда я прислал ей несколько своих детских фотографий, и она отправилась к Татьяне, чтобы продолжить расспросы. Мне оставалось набраться терпения и ждать развития событий.

Следующее сообщение от Элеоноры гласило: «Она сказала, что у нее никогда не было детей». Меня это обескуражило, поскольку я был на 100% уверен, что нашел свою родную мать. Все ведь совпадало! Нужно было подумать, что делать дальше. Тем временем, благодаря одному из школьных учителей Татьяны, я получил ее фотоснимок и окончательно убедился: сомнений нет, она та, кого я искал. Я твердил себе, что серьезные дела не делаются за один день, и следует запастись терпением. Поэтому я попросил Элеонору еще раз поговорить с Татьяной, и она согласилась повторить попытку.

Каждое утро я начинал с проверки сообщений на компьютере. Я прекрасно понимал, что новости не могут появляться ежедневно, но каждый раз ждал и радовался, получая даже самое мелкое известие. Через несколько недель наконец-то пришло долгожданное письмо. Элеонора написала, что Татьяна все-таки открыла ей всю свою историю и очень хочет поговорить со мной — тем более, что у нее скоро день рождения, а такой разговор стал бы отличным подарком. Конечно, я согласился! Связаться с Татьяной можно было только по домашнему телефону: ни интернетом, ни мобильной связью она не пользовалась. Так что помощь Элеоноры, которая выступала посредником между нами, передавая письма и фотографии, была неоценимой.

Когда Элеонора сообщила мне, что Татьяна страдает алкоголизмом, я засомневался, стоит ли звонить ей именно в день рождения. Но все же я очень хотел поговорить с ней. Просто спросить, как она поживает и хочет ли встретиться со мной. Все это происходило в самом начале весны 2013 года,

и я считал дни до 18 марта — дня рождения Татьяны, на который был назначен наш первый разговор.

Моей историей заинтересовалось новозеландское телевидение; примерно в это время оно начало съемки документального фильма. К вечеру 18 марта — это был понедельник — я тщательно подготовился к предстоящему звонку. Дмитрий и Елена, русская супружеская пара, живущая в Окленде, вызвались помочь мне в качестве переводчиков. Я оплатил время в Skype, чтобы иметь возможность позвонить на стационарный телефон. Коллеги-телевизионщики установили камеру, чтобы снимать наш разговор с Татьяной, и считали оставшиеся до звонка минуты. Я запустил Skype и нажал кнопку вызова. Из колонок послышались гудки.

Я волновался, не зная, чего ожидать. Может быть, там многолюдная вечеринка, компания друзей с поздравлениями и тостами. А моя настоящая мать скажет мне, что у нее сегодня вдвойне радостный день...

Наконец кто-то снял трубку и сказал: «Алло». Дмитрий спросил, с Татьяной ли он говорит. «Нет, — ответил женский голос. — К сожалению, она вышла. Перезвоните минут через пятнадцать». Я удивился, потому что ее предупредили о точном времени звонка, но подумал, что она могла бояться этого разговора или не чувствовала в себе готовности начать его. Мы ответили, что конечно перезвоним, и в ожидании уткнулись в свои телефоны.

Я заранее знал, что мне предстоит нелегкое испытание, что предстоящий разговор может принести не только положительные эмоции. В общем, меня обуревали противоречивые чувства. Прошло пятнадцать минут, показавшиеся мне вечностью, и я нажал кнопку вызова еще раз.

На этот раз ответила другая женщина. Дмитрий спросил, Татьяна ли это.
— Да, — ответила она.

Потом они обменялись несколькими непонятными для меня репликами на русском языке и Дмитрий сказал:

— Алекс, это она. Можешь говорить.

Все происходило, как в постановочном теле-шоу. Я спрашивал, как она живет. Спрашивал, как идут дела и, конечно, поздравил ее с днем рождения. Она говорила о себе и своей жизни. Сказала, что у нее прекрасный день рождения, что к ней пришли друзья, все замечательно, и она хочет как можно скорее увидеться со мной. Телефонный разговор продолжался недолго, всего лишь около пятнадцати минут. Мы попрощались, и я пообещал вскоре позвонить еще.

После окончания разговора Дмитрий сказал, что Татьяна, несомненно, была пьяна. Я знал, что она праздновала день рождения, но, с другой стороны, там, где она жила, было только десять утра. В любом случае я был невероятно рад, что нам наконец-то удалось поговорить. Даже в самых смелых мечтах я не смел представить, что когда-нибудь смогу поговорить с родной матерью, и был счастлив от того, что этот разговор все же состоялся.

На связи

Через несколько дней Татьяна сказала Элеоноре, что была очень рада поговорить со мной и хотела бы продолжить общение. Муж Татьяны, который никогда раньше обо мне не слышал, тоже передал, что будет рад познакомиться со мной как можно скорее.

Я был в полном восторге от происходящего, но понимал, что теперь мне хочется большего: я решил узнать, кем был мой биологический отец. Но где-то в глубине сознания ворочалось подозрение, что в документах по усыновлению его имя записано неверно. Через несколько дней я поговорил с Элеонорой, которой удалось кое-что узнать от Татьяны. Элеонора сообщила мне имя отца, и дала ссылку на страницу в социальной сети, через которую с ним можно было связаться.

Я плохо представлял себе, как с ним разговаривать и о чем, ведь он мог даже не помнить моей матери, а меня счесть сумасшедшим или самозванцем. Начал я с того, что посмотрел фотографии на его страничке — на некоторых из них он был очень похож на меня. Из этого я сделал вывод, что этот человек вполне может быть моим биологическим отцом. Мы совершенно одинаково улыбались. Нужно было как следует продумать, что ему сказать, потому что мое появление наверняка потрясет его. Я отправил ему сообщение, в котором спросил, знаком ли он с Татьяной и знает ли что-нибудь обо мне. Вместо ответа он немедленно заблокировал меня. Впрочем, я допускал и такое развитие событий.

Однако через несколько дней я внезапно получил от него сообщение. Он спрашивал, что мне известно о Татьяне и как я вообще узнал о ее существовании. Я попытался объяснить, что познакомился с ней совсем недавно. У него появилось много других вопросов, я отвечал, и в конце концов он поверил, что я действительно его сын. Письма от него становились все длиннее, а вопросов

в них было все больше. Я, как мог, рассказывал обо всем, что произошло в моей жизни после усыновления. Михаил — таково было настоящее имя моего отца, которое отличалось от указанного в документах, — писал, что очень рад узнать о моем существовании. Он и не подозревал, что у него есть сын. Их с Татьяной роман, закончившийся моим появлением на свет, произошел в начале 1990-х годов. Как они познакомились? Что произошло между ними много лет назад? Я до сих пор пытаюсь сложить всю эту историю воедино.

Татьяна выросла в детском доме, куда она попала в раннем детстве — у ее семьи были сложности. Но своих родителей она знала и переписывалась с ними. В восемнадцать лет Татьяна познакомилась с моим будущим отцом, работавшим поваром в местной школе. Отношения их продолжались недолго. А по словам Михаила, он служил поваром в армии, поэтому я до сих пор не уверен, что правильно представляю себе всю картину их отношений. Они встречались на протяжении нескольких недель, потом Татьяна вдруг исчезла, и Михаил больше никогда ее не видел. Михаил сказал, что они любили друг друга, но это была юношеская любовь, когда все воспринимается уж слишком всерьез.

Выйдя из детского дома в восемнадцать лет, Татьяна стала работать в булочной. Узнав, что беременна, она поняла, что не сможет прокормить ребенка, поэтому оставила меня в родильном доме. В 1994 году Татьяна переехала в Рыбинск, где и живет до сих пор, а Михаил чуть позже перебрался в Санкт-Петербург. С тех пор прошло много лет, и, рассказывая о тех событиях, я осознаю, что это давние дела, времена с тех пор изменились. Татьяна прожила трудную жизнь, я понимаю и это. Сегодня я благодарен ей за то, что когда-то она отказалась от меня. Это ее решение в итоге сделало меня тем, кто я есть. Я сказал ей, что всегда буду рад поговорить — если она того захочет.

Тем временем Михаил рассказал обо мне своей семье и теперь с нетерпением выспрашивал, когда же я, наконец, приеду в Россию. Конечно, мне и самому не терпелось попасть в Россию, и я собирался сделать это при первой же возможности. Мне очень хотелось познакомиться с Татьяной и Михаилом вживую. Пока же мы обменялись контактами в Skype, а Михаил нашел среди своих друзей человека, который мог бы помочь с переводом. Итак, веб-камера стояла наготове. У меня был вечер, у него — утро. Я нажал видеовызов, он ответил. В первую минуту он словно онемел. Я тоже не знал, что сказать. Он повторил «Hello» в ответ на мое приветствие. А потом посыпались возбужденные вопросы. Он задавал их так много, что переводчик не поспевал за ним.

Михаил сказал, что знает, где находится Новая Зеландия, но был потрясен до глубины души, узнав, что там живет его сын. Он даже расплакался от счастья, когда я стал рассказывать ему, чем занимаюсь. Он очень жалел, что Татьяна не рассказала ему обо мне. Потом Михаил представил мне свою семью.

Он недавно женился, у него была маленькая дочка, и, по его словам, это была еще одна причина для того, чтобы я как можно скорее приехал в Россию. На это я ответил, что приложу все силы, чтобы приехать уже в этом году, хоть и понимал, что это будет непросто — и недешево. С Михаилом я разговаривал гораздо дольше, чем с Татьяной, и, прощаясь, мы пообещали друг другу поддерживать связь.

Настало время планировать предстоящую поездку. Я не знал, с чего начать и какие шаги предпринять, но сразу начал рассматривать различные варианты. Но как же это оказалось непросто! Я решил посетить Россию в мае, нашел несколько подходящих по цене рейсов, — но все затормозилось из-за трудностей с получением визы. Я заполнил нужную форму, но, как выяснилось, сделал это неправильно. За несколько дней до намеченного вылета я получил из посольства России электронное письмо, в котором сообщалось, что я не смогу въехать в Россию по новозеландскому паспорту. Оказывается, я должен был использовать свои российские документы — и, разумеется, те, которые у меня оставались с 1994 года, нужно было обновить. Из письма следовало, что на это потребуется примерно полгода.

Я был разочарован настолько, что даже задумался о том, не отменить ли поездку вообще. Ведь все так хорошо начиналось! Я знал, что возможность попасть в Россию у меня сохраняется, но теперь для ее осуществления предстояло пройти через массу бюрократических формальностей. Мои биологические родители тоже были расстроены. Татьяна уже договорилась о внеочередном выходном дне. Я сказал им, что мне нужно получить российский паспорт, поэтому придется подождать.

Я начал готовить заявку, которую нужно было заполнить на русском языке. Дмитрий, помогавший мне при первом разговоре с Татьяной, проверил, чтобы я правильно заполнил форму, но, как выяснилось, мои приключения только начались: подавать ее нужно было лично, и мне пришлось лететь в российское посольство в Веллингтоне. После этого оставалось только ждать. Что ж, за прошедшие годы я научился терпеть и быть готовым к любому возможному исходу. Я думал только о предстоящей встрече с моими кровными родителями.

Через четыре месяца, ранним утром, я обнаружил в своем электронном ящике письмо из посольства. Оно было написано по-русски, и явно было очень важным. Немного волнуясь и не зная, какого рода новости оно таит, открыл... и узнал, что мой паспорт готов и ждет меня в посольстве! Это был восторг! Подготовка к путешествию в Россию наконец сдвинулась с мертвой точки. Оно начнется уже скоро!

Позвонив родителям, я сказал им, что собираюсь в Веллингтон, чтобы получить новый паспорт. То же я сообщил и своим биологическим родителям, которые в очередной раз попросили меня приехать поскорее. Вскоре автобус доставил меня от аэропорта в центр Веллингтона, к посольству России. Я немного понервничал в приемной, ожидая, когда меня вызовут. Минут через пять я услышал, что Алекса Гилберта приглашают подойти к стойке выдачи документов. Через минуту мне вручили новый паспорт, и я вернулся в Окленд.

Вся следующая неделя была посвящена подготовке к поездке. Нужно было взять отпуск на работе, выбрать удобное время для встреч с Татьяной и Михаилом, найти подходящие по цене билеты. Ноябрь вроде бы устраивал всех. Я знал, что в России в это время уже начинается суровая зима, но это не пугало меня. Впереди было уникальное событие, которое точно должно запомниться мне на всю жизнь. Холод был лишь незначительной переменной этого уравнения.

Итак, я сообщил моим российским родителям дату прилета и заверил, что на этот раз проблем не будет. Я все организовал и готов ехать. Мама и папа приготовили для Татьяны и Михаила подарки. Вообще родители оказывали мне всяческую поддержку, поощряя к знакомству с жизнью в России. Сам я понятия не имел, во что ввязываюсь, но твердо знал, что получу незабываемые впечатления. Я не мог говорить ни о чем, кроме предстоящей поездки, и, кажется, изрядно утомил всех друзей, коллег и соседей рассказами о будущем путешествии. Но всем им было очень интересно, как пройдет мое знакомство с биологическими родителями.

Недели казались мне месяцами, а дни — неделями, но 18 ноября все же настало.

Я знал, что мама и папа очень тревожатся по поводу моей предстоящей поездки, но уверял их, что все будет хорошо. Они провожали меня, и мы остановились на ночлег в отеле около аэропорта, зная заранее, что никто из нас не сможет уснуть. Я не мог найти себе места и то заряжал давно заряженные гаджеты, то в очередной раз проверял, не забыл ли чего. Утром по дороге

в аэропорт я смотрел в окно машины и гадал, что же принесут мне предстоящие дни. Правильно я поступаю или совершаю ошибку?.. Я не знал ответа и чувствовал, что мое желание встретиться с кровными родителями волнует маму и папу, но разве мог я успокоиться, пока это желание не осуществится? К тому же я знал, что моими родителями всегда будет эта пара из Новой Зеландии. Они и есть мои мама и папа.

Мы приехали в аэропорт, и я разу направился к стойке регистрации. Все прошло быстро. Мой российский паспорт не вызвал никаких вопросов, и я прошел на посадку.

Первая поездка в Россию

Выключив телефон, я приготовился к длительному полету. После взлета я коротал время, смотря кино: только так я и мог расслабиться, потому что сон упорно не шел.

Первая часть путешествия прошла очень хорошо. Мы должны были приземлиться в Сеуле, где мне предстояло переночевать и на следующее утро вылететь в Москву. Я был очень рад тому, что мне удастся выспаться перед завершающим отрезком пути.

И вот, проведя в воздухе примерно двенадцать часов, мы прибыли в Сеул, где все казалось мне знакомым, ведь я был там совсем недавно, в начале года. Сейчас же ощущал себя едва ли ни местным. Люди, с которыми я познакомился в свой первый приезд, жили далеко от аэропорта, поэтому я направился напрямик в отель, рассчитывая просмотреть сообщения от друзей и узнать, что происходило дома. Очень хотелось отдохнуть. В моем номере был телевизор, и я с удовольствием посмотрел какую-то корейскую комедию, хотя и не понимал языка.

Проснувшись утром, я в первый момент решил, что нахожусь дома, в собственной постели, и мне предстоит выйти в весеннее новозеландское утро. В действительности дело обстояло совсем иначе. Я встал, хорошо позавтракал и отправился на автобусе в аэропорт. Голова у меня шла кругом от мыслей о том, что мне предстоит в ближайшие несколько дней. Чтобы отвлечься, в автобусе я обсуждал с новозеландской семейной парой, чем Южная Корея отличается от нашей страны. Корея мне нравилась, и я надеялся еще вернуться сюда.

На этот раз мне не пришлось регистрироваться, потому что я останавливался в транзитном отеле. Я занял свое место в салоне самолета, зная, что сойду с трапа уже в Москве. Следующие двенадцать часов показались

мне вечностью. Я посмотрел несколько фильмов, отдохнул и даже немного вздремнул, а проснувшись, узнал, что лететь предстоит еще четыре часа. Наконец стюард объявил, что мы совершаем посадку в Москве.

Быстро покинув самолет, я добрался до паспортного контроля и встал в очередь для граждан России. Чиновники не могли понять, откуда я прибыл, и удивлялись тому, что я имею российский паспорт, но не говорю по-русски. Когда в мой паспорт поставили штамп, я испытал большое облегчение и направился в зал ожидания, где мне предстояло встретиться с Аароном Кароттой — человеком, который вызвался помочь мне в поездке и найти для меня переводчика. Но позвонить ему у меня не получилось: мой телефон разрядился. Поэтому я стоял посреди московского международного аэропорта, не зная ни слова по-русски, чтобы обратиться к кому-нибудь за помощью.

Маршрут Аарона, как выяснилось, был сложнее, чем мой: он прилетел в другой аэропорт, так что ему предстояло добираться до места нашей встречи еще и на такси. Я уже был близок к панике, когда наконец-то увидел его. Представьте, какое облегчение я почувствовал в это мгновение! А когда мы вместе с ним вышли на улицу, я сразу понял, что здесь совсем не то, что дома. Было холодно! Я быстро пожалел, что захватил с собой так мало теплой одежды. Мы взяли такси и отправились прямо в отель, где и провели этот вечер.

Пока мы ехали, Аарон рассказал, что завтра в шесть часов утра мы должны поехать на встречу с моей родной матерью. Несмотря на всю усталость от перелета, я был более чем готов к завтрашней встрече с Татьяной... Я был готов к любому развитию событий!

В отеле я отправил родителям сообщение о том, что предстоит мне на следующий день, и лег спать. Но спалось мне плохо: снились дурные сны, я волновался и никак не мог расслабиться. В итоге даже не заметил, как пролетела ночь. Зазвонил будильник, мы собрали вещи и вышли навстречу водителю, Дмитрию. Он жил с семьей в Москве, был кинооператором, и Аарон договорился, что Дмитрий будет снимать все мое путешествие.

Утро выдалось холодным, было еще совсем темно, в голове крутились самые разные мысли. Наш путь лежал из Москвы на север, в Рыбинск, где жила моя кровная мама. Мы позвонили Элеоноре и попросили ее передать, что мы едем. Элеонора сказала, что Татьяна взяла на работе выходной

и с нетерпением ждет нашей встречи. Помню, что, когда рассвело, я посмотрел в окно автомобиля и увидел вереницу дряхлых покосившихся домишек. Я задумался, какой должна быть жизнь их обитателей, счастливы ли они жить так?.. Хотя они, скорее всего, просто не знают другой жизни. Я решил, что все же они должны быть по-своему счастливы. Судя по тому, что я видел, их жизнь день за днем протекала по раз и навсегда установленному сценарию, и никаких перемен они не желали.

Шестичасовая дорога пролетела быстро. Я засыпал Дмитрия вопросами о местах, которые мы проезжали. Когда я спросил, почему во многих деревнях не видно людей, он пожал плечами и объяснил, что жители просто бросили свои дома и уехали в поисках лучшей жизни.

Минут за пятнадцать до прибытия мы позвонили Татьяне. Она сказала, что будет ждать около дома. Дмитрий ввел ее адрес в GPS-навигатор и спросил, в порядке ли я. Честно признаться, я и сам этого не знал. Все вокруг казалось сюрреалистичным, и я не мог поверить, что мое заветное желание вот-вот будет исполнено.

Мы миновали дорожный указатель с надписью «Рыбинск». Я знал, что ехать осталось совсем немного и что очень скоро встречу с Татьяной. Обшарпанный, с множеством вывесок, не блещущий чистотой город вовсе не радовал своим видом. Мы остановились у дома Татьяны. Дмитрий достал свое оборудование и, оставив меня в машине, подошел к ней. Вернувшись, он сказал, что она готова к встрече со мной. Я глубоко вдохнул, медленно вылез из машины, обогнул угол дома и наконец увидел.

Она, в теплой кофте, стояла около подъезда. Было заметно, что она постаралась подготовиться к встрече: на лице был макияж, волосы уложены. Я подошел к ней, сказал «привет» и попытался обнять, но вышло очень неловко. Тогда я спросил, как она поживает, и Татьяна ответила, что у нее все хорошо. Потом поинтересовалась, как прошло мое путешествие, и я сказал, что оно показалось мне бесконечным.

Я чувствовал, что она рада видеть меня, хотя и не подавала виду! По ее лицу трудно было что-то прочесть. Татьяна пригласила меня в квартиру. Андрей, ее муж, открыл нам дверь. Я все время улыбался. Квартира оказалась маленькой, кровать стояла в гостиной. Даже стоя, мы едва помещались там. Татьяна показывала мне свое жилье, познакомила с кошкой, много говорила о предстоящем ремонте. Я прошел в кухню и увидел курящего мужчину.

После разговоров о ремонте я почему-то решил, что это специалист, который и будет им заниматься. Он не представился, так что я тоже решил обойтись без формальностей. Признаться, мне было крайне неловко.

Осмотревшись, мы вернулись в гостиную, и я принялся доставать подарки. Бабушка связала для Татьяны шарф, мама купила для нее кулон и неприменную коробку шоколада *Roses*. Татьяна сказал, что подарки посмотрит потом. Зато альбом с моими фотографиями вызвал у нее неподдельный интерес. Там была вся моя жизнь, с двух лет и до нынешнего возраста. Она смотрела его и задавала вопросы, а я пояснял, что изображено на каждом из снимков и при каких обстоятельствах он был сделан. Татьяна сказала, что я живу в очень красивом месте и что Новая Зеландия выглядит, как настоящий рай.

Находясь в ее квартире, я испытывал странное ощущение, — словно мне тут совсем не место. Мне казалось, будто все хотят, чтобы я поскорее ушел и жизнь вернулась в привычное русло. В общем, странный был день.

Я спросил Татьяну, нельзя ли увидеть, где она работает, но она ответила, что это слишком далеко и к тому же ей совершенно не хочется появляться на работе в выходной день. Так что, покончив с фотографиями, мы решили отправиться в кафе. По дороге Татьяна и Андрей показывали нам город. Повсюду шла стройка, так что я даже не понимал, насколько благополучен этот район. Все было совершенно непривычным для меня. А в ресторанчике мы оказались единственными посетителями.

Я проголодался и просто хотел немного отдохнуть и перевести дух после напряжения последних суток. Мы заказали напитки и кебабы, а я принялся расспрашивать Татьяну. Не вдаваясь в детали, она призналась, что жизнь ее сложилась тяжело. Я чувствовал, что ей было нелегко рассказывать мне о своей жизни — она производила впечатление сильного человека, не склонного к проявлению эмоций, но было заметно, что сдержанность дается ей с трудом. Поэтому я решил подбодрить ее, сказав, что теперь-то все обязательно наладится, раз мы наконец-то нашли друг друга. Она согласилась и сказала, что тоже очень рада нашей встрече. Вскоре к нам присоединилась Элеонора. Я был доволен, что удалось лично встретиться с ней и поблагодарить за ту неоценимую помощь, которую она оказала мне в моих поисках Татьяны. Время пролетело незаметно, и примерно через час Дмитрий деликатно намекнул, что мне пора в обратный путь.

Общение с Татьяной приносило мне искреннее удовольствие, и было ужасно жаль, что нельзя задержаться подольше и как следует узнать друг друга. Я понимал, что она рассказала мне далеко не все. Мы проводили ее до дома, и наступило время прощаться.

Я не знал, когда смогу увидеть ее в следующий раз, и, честно говоря, был внутренне готов к тому, что наша первая встреча так и останется единственной. Я поблагодарил Татьяну и Андрея, а когда она поцеловала меня на прощание, пообещал вернуться — хотя был совсем не уверен, что это когда-нибудь случится. Они махали мне вслед.

Накопившаяся усталость дала о себе знать, и я уснул. Подъезжая к Москве, Дмитрий и Аарон спросили, остался ли я доволен поездкой. Я признался, что очень волновался, начиная с самого прибытия в аэропорт, но за сегодняшний день испытал целую кучу самых разнообразных эмоций! Я радовался тому, что наконец-то встретился со своей кровной матерью. Я ощутил близость с ней и теперь чувствовал, что могу, наконец, после стольких лет, понять самого себя. Для меня это было действительно важно, так что тот день казался мне чем-то фантастическим. Как будто все это было невероятным, но все же свершившимся чудом.

Было жаль уезжать так быстро, но поделаться с этим ничего было нельзя. Я мог лишь поблагодарить всех тех людей, с помощью которых эта поездка осуществилась. Поздней ночью мы вернулись в Москву, а на следующее утро мне опять предстояло рано вставать: я летел в Санкт-Петербург к моему кровному отцу Михаилу. Я ждал этой встречи. Михаил даже позвонил мне в тот вечер, чтобы поприветствовать и сказать, что он и вся его семья с нетерпением ждут меня. Рядом со мной не было Дмитрия, который мог бы перевести его слова, но моего запаса русских слов хватило, чтобы все понять и выразить свою благодарность. После этого телефонного разговора я с помощью переводчика Google написал сообщение, в котором предупредил Михаила о том, что мы увидимся уже завтра.

Той ночью я думал о том, что принесет мне завтрашний день. Что мой кровный отец подумает обо мне, как я сам поведу себя, увидев его? Я чувствовал, что эта встреча пройдет не так, как с Татьяной, но верил, что это будет нечто потрясающее. Наверное поэтому я даже выспался, а утром быстро собрал вещи и отправился в аэропорт. Меня ждал Санкт-Петербург! В отличие от предыдущего двенадцатичасового полета, этот продолжался всего час и прошел очень спокойно. Когда самолет начал снижаться,

я посмотрел в иллюминатор и увидел красивые старинные дома, о которых столько читал, знаменитые реки и каналы. Это произвело на меня непередаваемое впечатление. Город был совершенно не похож на Москву.

Отель был расположен всего в пятнадцати минутах ходьбы от аэропорта. Я как можно быстрее разобрал вещи, взял такси и отправился на встречу с Михаилом. Дорога к нему заняла целый час.

Встреча с Михаилом

Я даже не представлял, насколько огромным окажется Петербург, и решил, что стоило заложить на дорогу побольше времени. К счастью, все закончилось благополучно и мы прибыли вовремя.

За час, проведенный в пути, Михаил успел забросать меня эсэмэсками, в которых спрашивал, далеко ли я. Было заметно, что он очень волнуется. Я отвечал, что все хорошо, и мы почти на месте. Впрочем, нервничал не он один. У меня было ощущение, будто в моей истории открывается новая грань: ведь о своем кровном отце я не имел практически никакой информации. Сейчас, сидя в такси и ожидая встречи с ним, я бесконечно рефлексировал по этому поводу. Я действительно не знал, чего ожидать от этой встречи. Чтобы отвлечься от бессмысленных гаданий, я принялся рассматривать проносящиеся мимо дома, и, в общем, сам не заметил, как оказался в назначенном месте. Дмитрий снова попросил меня посидеть в машине, пока он настраивает съемочную аппаратуру.

Закончив, он предложил мне пройти через дорогу к дому, у которого меня уже поджидали Михаил и его жена. Михаил сделал несколько шагов мне навстречу и обнял так крепко, что у меня захватило дух. Он широко улыбался, и его лицо прямо-таки светилось. Он очень радовался встрече со мной, я тоже был счастлив. Было трудно поверить, что этот человек лишь совсем недавно узнал о моем существовании.

Я совершенно не представлял, что творится в его голове. Оглядев меня с головы до ног, он представил меня своей жене Лиане, своей матери и теще, которые, похоже, были слегка шокированы нашей встречей.

Потом я познакомился со своей единокровной сестрой Соней. Я поднял ее на руки и сказал: «Привет». Я был очень рад, что попал сюда. Никто из нас

не знал, чего ждать, но теперь я убедился в том, что не зря так хотел встретиться с Михаилом.

Мы поднялись в квартиру, расселись, и Михаил засыпал меня вопросами. Их было так много, что Дмитрий с трудом успевал переводить. Я сказал Михаилу, что у нас много времени на разговоры и что я привез подарки. Михаил перебил меня и вынул из-за угла дивана много сумок. Там тоже были подарки — не только для меня, но и для моих друзей.

Я сказал, что это совершенно лишнее, но он возразил, что сегодня особенный день, и ему так хочется. Во время разговора я заметил, что его родные пытаются понять, как им вести себя со мной. Все были взволнованы и несколько растеряны происходящим. Представьте, что в вашей жизни вдруг появляется человек из ниоткуда и утверждает, что он ваш сын! Нет, я не в силах был представить, что чувствовал Михаил.

Я знаю, что он не обрадовался тому, что Татьяна скрыла от него мое существование, и что он связывался с ней, чтобы узнать, почему она так поступила. Татьяна ответила, что и сама не знает, как так вышло. Михаил много раз повторял, что, зная он моем существовании, то обязательно позаботился бы обо мне. Так что, если бы Татьяна призналась Михаилу в своей беременности, моя жизнь сложилась бы совсем иначе. Ясно только, что я не жил бы на другом конце света и моим родным языком не был бы английский.

Но прошлое нельзя изменить, и Михаил понимал это. Он сказал, что рад тому, что я вырос нормальным ребенком в замечательной семье. Он много раз благодарил воспитавших меня людей за то, что они сделали для меня, но искренне сожалел, что мы вынуждены общаться через переводчика. Я ответил, что поставил перед собой цель — научиться бегло говорить по-русски; это трудный язык, но я старательно учу его. Михаил подарил мне книгу на русском языке. Мы долго сидели за обильным столом, говорили о жизни и много смеялись. Его интересовала Новая Зеландия и моя жизнь в Окленде, о которой он знал уже немало. Оказывается, он провел настоящее собственное исследование, результаты которого впечатляли.

Так пролетели несколько часов, и оказалось, что нам уже пора возвращаться в отель. У меня выдался тяжелый день, а уж последние сутки оказались такими, каких вообще не было никогда в жизни. Перед прощанием мы составили планы на следующий день. Я хотел еще раз увидеть Михаила и его семью, а Михаил предложил пожарить шашлыки в парке напротив его дома. Я спросил Дмитрия, не шутка ли это, поскольку уже началась зима и было

по-настоящему холодно. Оказалось, что насчет пикника Михаил говорил совершенно серьезно и добавил, что в России стоит попробовать и это. Мы вернулись в отель, и я чувствовал себя куда спокойнее, чем прошлой ночью.

Я думал о завтрашнем дне и сожалел, что уже совсем скоро придется уезжать. Я пробыл в России всего два дня, но вполне мог спланировать поездку подольше. Тогда я поклялся в следующий раз приехать никак не меньше, чем на неделю.

Проснувшись утром, я облачился в самую теплую одежду, какая только у меня была. Одеться правильно было нелегко, поскольку отопление в моем номере работало отлично, так что несколько свитеров, пожалуй, были лишними, зато на улице стоял ужасный холод. Я решил, что на всякий случай останусь в теплой одежде даже в квартире Михаила. Втроем с Дмитрием и Аароном мы взяли такси, по дороге нам позвонил Михаил и заверил, что для пикника все готово.

В парке не было ни души.

Я спросил, есть ли тут кто-то, кроме нас. В ответ Михаил лишь рассмеялся. Я понимал, что это будет совсем не такой пикник с барбекю, как те, к которым я привык дома. Когда все было устроено, Аарон достал припасы, и мы принялись готовить еду. Угли горели, а меня пробирал холод. Я стоял около маленького костерка, пытался согреться, но мне никак это не удавалось. Пикник мне нравился, мороз — нет.

Мы пробыли в парке несколько часов, и, когда ланч закончился, вернулись в квартиру. Я хотел посмотреть, что же представляет собой Санкт-Петербург, о прекрасных зданиях и увлекательной истории которого немало читал. Михаил согласился показать мне город, вызвал такси, и мы отправились в центр, производивший совершенно рождественское впечатление своей многолюдностью и яркими огнями.

После продолжительной пешей прогулки мы вновь проголодались и зашли в кафе, где Михаил заказал и напитки. Вечер обещал быть интересным.

Я был рад, что мне удалось провести время со своим кровным отцом. Компанию нам составили наш переводчик Дмитрий и владевшая английским знакомая Михаила, Маруся. Я фотографировал чуть ли не каждый дом, попадавшийся мне на глаза. Вечер был очень холодным, зато время, проведенное в их обществе, — незабываемым. Через несколько часов Михаил решил, что ему пора возвращаться, и пообещал увидеться завтра, перед моим отлетом.

Когда мы вернулись в отель, Дмитрий и Аарон предложили мне посетить гонки картов, проходившие всего в нескольких кварталах отсюда. Я добавил еще несколько слоев теплой одежды и последовал за своими спутниками через закрытый молл, ориентируясь по указателям, ведущим к подземной трассе картинга. Заблудиться было невозможно, потому что рев моторов становился все громче и громче.

Мне уже хотелось спать после насыщенного дня, но я решил, что будет жаль покинуть Санкт-Петербург, не испытав свои силы в гонке картов. Я не слишком умелый водитель, но почему бы не попробовать? Конечно, я не стал чемпионом.

Меня ждала срочная операторская работа в Австрии, от которой я не мог отказаться, поэтому мое время в Санкт-Петербурге было жестко ограничено. Так что я быстро собрался, и мы поехали в аэропорт. Уже перед стойкой регистрации, я увидел в дверях Михаила. Он поблагодарил меня за то, что ради нашей встречи я проделал столь дальний путь. Я ответил, что знакомство с ним и его семьей оказалось незабываемым.

На самом деле у меня просто не было слов, чтобы передать всю гамму охватывавших меня чувств. Но я знал, что никогда не забуду эти дни и пообещал, что мы обязательно встретимся еще раз. Расставаться было тяжело, но мы оба знали, что пора прощаться. Он сфотографировался со мной напоследок, чтобы показать друзьям, и я направился на посадку, зная, что вернусь.

Сидя в самолете и включив в наушниках музыку, я размышлял о нескольких последних днях и не мог поверить, что моя мечта о знакомстве с кровными родителями действительно сбылась. Да, я долго сомневался в своей затее, но она осуществилась. Я гордился собой — трудно было бы гордиться сильнее. Я покидал Россию в отличном настроении, с чувством полного удовлетворения, был просто счастлив, что выполнил намеченное, и ни о чем не жалел. Просто я наконец-то сделал то, к чему так долго стремился. Я говорил и буду говорить всегда: раньше мне казалось, будто передо мной дверь, запертая на замок, который я никак не могу открыть. А сейчас я, наконец, подобрал заветную комбинацию цифр — и эта дверь распахнулась. После состоявшегося знакомства с биологическими родителями я ощутил, что в моей жизни завершился какой-то очень важный этап. Это был уникальный опыт, ценность которого невозможно преувеличить.

Именно во время перелета в Австрию я и начал работу над «My Russian Side» — дневником, в котором я решил описать те события, которые произошли

со мной в последние дни, и те чувства, которые я испытал за это время. Я хотел, чтобы как можно больше людей узнали, что происходит с приемным ребенком, когда он впервые встречается своих кровных родителей. Конечно, каждый случай уникален, но я считал важным рассказать о собственном опыте. Во время наших поездок я постоянно делал заметки на ноутбуке, к тому же, благодаря Дмитрию, у меня были видеозаписи и фотографии, так что материала у меня хватало — тем более что полет длился совсем недолго.

Пришло время успокоиться и заняться любимым делом: Аарон нанял меня для съемки его кулинарного шоу в Европе. По прибытии в Австрию мы вооружились съемочным оборудованием и отправились на поезде в Лиенц — небольшой, но очень красивый городок неподалеку от границы с Италией. Там я смог спокойно обдумать события последних недель. К тому же меня постоянно осаждали желающие послушать про мои российские приключения, так что я раз за разом рассказывал свою историю всем желающим.

Последней остановкой на пути домой стала Италия. Проведя двенадцать часов в поезде, мы прибыли в Милан. Последний мой вечер в Европе был посвящен утонченным удовольствиям итальянской кулинарии и культуры; я наконец-то смог перевести дух. Я послал маме и папе сообщение о том, что направляюсь домой и покину Италию уже через несколько часов. Они ответили, что очень ждут моего возвращения.

На следующее утро, ожидая свой рейс в аэропорту Милана, я снова размышлял о событиях последних дней. Я знал, что теперь буду смотреть на мир иначе, потому что понял, насколько отличаются люди в разных концах света, насколько многим из них тяжело. Жители России оказались едва ли не самыми милыми и общительными из всех, с кем мне доводилось встречаться: большинство из них всегда были готовы улыбнуться и начать разговор даже с совсем незнакомым человеком. Теперь я гораздо лучше понимал, что представляет собой Россия. И конечно, я был счастлив от того, что совсем скоро, всего через сутки, буду дома, в Новой Зеландии.

Во время последнего в этом путешествии перелета я продолжил писать «My Russian Side». Полет проходил спокойно, и даже задержка в Австралии не смогла омрачить радости возвращения домой.

Снова дома

Вечером я вышел из самолета уже в Окленде и, радуясь тому, что вернулся домой, с наслаждением вдохнул свежий, ароматный воздух Новой Зеландии. Приятель, встретивший меня в аэропорту, всю дорогу расспрашивал меня о том, что представляет собой Россия, и правда ли, что она настолько плоха для туристов. Не знаю, почему у некоторых сложилось такое мнение. Видимо, в нашем мире люди склонны верить всему, что видят по ТВ. Переступив порог дома, я обнаружил, что у нас собрались все соседи, которым не терпелось узнать подробности моего путешествия. К их разочарованию, я слишком устал, чтобы ответить на все вопросы, и довольно скоро отправился спать.

В течение нескольких следующих недель жизнь вошла в привычную колею. Меня часто спрашивали о России, о том, какая она. Довольно быстро я заготовил на этот вопрос краткий ответ, который и повторял всем интересующимся. Куда труднее было отвечать на расспросы о кровных родителях, о том, как на мне отразилось знакомство с ними. Я честно и откровенно говорил, что нисколько не сожалею, и рад, что оно состоялось.

Вернувшись домой, я продолжал общаться с Михаилом, но ничего не знал о Татьяне. Поддерживать с ней связь было очень тяжело: она не пользовалась ни интернетом, ни мобильной связью. Оставался либо ее домашний телефон, либо электронная почта, причем письмо нужно было сначала перевести на русский и отправить Элеоноре, которая распечатывала его и передавала Татьяне. Что же касается телефонного разговора, то, во-первых, нам требовался переводчик, а во-вторых, разница во времени между Оклендом и Рыбинском делала этот вариант крайне неудобным.

Конечно, мама и папа соскучились по мне, поэтому при первой же возможности приехали в Окленд. Они были очень рады моему возвращению.

Вскоре начались рождественские каникулы. Мой брат Андрей заехал за мной в Окленд, чтобы отвезти в Фарангеи. В отличие от меня, его никогда не интересовали люди, когда-то давшие ему жизнь, а Россию он рассматривал исключительно с туристической точки зрения. Безусловно, я понимал и уважал его позицию, а он платил мне взаимностью.

Выехав из Окленда ранним утром Сочельника, мы уже через два часа были в Фарангеи. Хорошо все-таки жить рядом с родителями — в любой момент прыгнуть в машину и оказаться дома. Мама открыла дверь и обняла меня. Хоть это была и не первая наша встреча после моего возвращения, я знал, что она все еще немного переживает. Все-таки нет ничего лучше родных стен.

Рождество прошло великолепно. Мы устроили роскошный ланч и все праздничные дни провели вместе. Как же хорошо было вырваться из большого города! Скоро мне предстояло вернуться в Окленд, чтобы наверстать немного запущенную из-за поездки в Россию работу.

Не успел я оглянуться, как наступил канун нового, 2014 года. Я задумался о том, чего ждать от него. Я связался с людьми, занимавшимися монтажом фильма о моем знакомстве с кровными родителями, и узнал, что его планируют к показу на Национальном телевидении уже в начале февраля. Он должен был стать первым сюжетом нового сезона. Я продолжал работу над «My Russian Side», намереваясь опубликовать книгу в апреле, а пока терпеливо ждал премьеры.

Ночь перед показом я провел у папы и мамы, набираясь духу. Я немного боялся вновь увидеть свою историю и взглянуть на нее со стороны. На следующий день я вернулся в Окленд, чтобы посмотреть передачу в гостях у друга. Воскресенье тянулось невыносимо долго. Наконец, начались шестичасовые новости. В рекламных паузах давали анонс моего фильма, и я наконец-то поверил, что так долго ожидаемое событие действительно свершится.

В семь часов вечера передача началась. На меня тут же нахлынули воспоминания. Как выяснилось, я совершенно напрасно беспокоился: фильм оказался прекрасно сделан и качественно смонтирован. Я с удовольствием слушал собственные слова, испытал настоящий эмоциональный всплеск, когда увидел со стороны свои встречи с кровными родителями. Все было как будто вчера.

Когда передача закончилась, мне позвонила мама и сказала, что очень рада. Я получил огромное количество отзывов — как мне сообщили,

аудитория передачи превысила 600 000 человек. На следующий день мне было трудно сосредоточиться на работе из-за непрерывного потока сообщений от людей, смотревших вчера телевизор.

На моей страничке в Facebook появилось множество записей, в которых приемные дети со всей Новой Зеландии рассказывали свои истории. Конечно, на то, чтобы прочитать их и ответить всем, у меня ушла масса времени, но я был рад помочь и дать совет каждому.

В начале воскресной передачи показали снятый в 1994 году сюжет, в котором фигурировали и мой Дом ребенка, и его юные обитатели. Мне было чрезвычайно интересно посмотреть, как выглядело тогда это место. Я часто гадал, какой была судьба детей, которые находились в нем одновременно со мной. Удивительно, но частично ответ на этот вопрос я получил довольно скоро.

Новые контакты

Среди огромного потока сообщений, поступивших мне в социальных сетях после показа фильма, одно показалось мне особенно важным. Мне написала девушка по имени Катя, удочеренная тоже в Новую Зеландию. Оказывается, в эпизодах, посвященных архангельскому Дому ребенка, мелькнула и она — по крайней мере, так утверждают ее приемные родители. По их словам, в этом фрагменте маленькая Катя сидела на высоком стуле среди других детей. На моей стене в Facebook она поместила фотографию, которую дали ее новозеландским родителям при удочерении, — это был тот самый кадр. Катя поделилась со мной своей историей, и мы оба были до крайности удивлены такому совпадению. Сейчас она жила в Крайстчерче, на другом конце страны.

За исключением брата, Катя была первой воспитанницей того же Дома ребенка, что и я, кто встретился мне на жизненном пути. Это казалось совершенно невероятным совпадением. Мы постоянно общались с ней в Facebook и, наконец, решили встретиться, когда Катя в следующий раз приедет в Окленд, где у нее было много друзей. В один из ближайших воскресных дней мы пошли в кафе, немного выпили и поболтали. Встреча получилась очень короткой, но мы решили снова увидеться при первой же возможности.

Вскоре со мною связалась *New Zealand Herald*, одна из старейших и уважаемых газет нашей страны. Благодаря интернету ее сотрудники узнали о нашей с Катей встрече и захотели сделать об этом материал. Конечно, я с радостью согласился. Это интервью навело меня на мысль о том, чтобы создать специальный форум, где приемные дети могли бы общаться друг с другом.

Когда Катя приехала в Окленд в следующий раз, мы встретились уже у меня дома. Она горела желанием побольше узнать о том, как мне удалось разыскать своих биологических родителей. Общая судьба очень сближала нас, так что мы отлично ладили. Трудно было поверить, что в 1993 году мы с ней жили в России, в одном учреждении для сирот, а через двадцать один год

встретились в Новой Зеландии. От этого мир казался меньше, а мысль о том, что Катю удочерила именно новозеландская семья, делала его еще уже. Мы с Катей не могли не задуматься о том, сколько же еще детей из нашего Дома ребенка оказались в Новой Зеландии.

Катя рассказала мне и о своей жизни в Крайстчерче, и о своих биологических родителях. Оказывается, она нашла их еще три года назад, но лично еще не познакомилась. Да и поддерживать с ними контакт было непросто. Она пыталась писать электронные письма по-русски, но ей, как и мне, этот язык казался неимоверно трудным. Катя показала мне фотографии своих биологических родителей, которые недавно построили неподалеку от Архангельска деревенский дом, и, судя по всему, жили совсем не плохо. Кроме того, Катя выяснила, что теперь у нее есть еще и младший брат. Она искренне радовалась, что нашла ответы на многие вопросы, и надеялась когда-нибудь встретиться со своими русскими родственниками. По словам Кати, ей чудом удалось выжить, поскольку она родилась очень слабой. Когда ее удочерили, она была на грани смерти. Ее новая семья фактически спасла ей жизнь. Я не хочу сказать, что Дом ребенка — плохое место для детей. В большинстве подобных учреждений о детях заботятся действительно хорошо. Но я уверен, что никакая приютская забота не заменит ребенку семьи. Именно семья помогает ребенку стать тем, кто он есть.

Время, проведенное с Катей, пролетело незаметно. Мы договорились поддерживать контакт, я же решил при первой возможности побывать в Крайстчерче и познакомиться с ее семьей.

На следующей неделе статью о нас опубликовали в *New Zealand Herald*. Мои родители и друзья не сразу поверили, что в Новой Зеландии отыскался еще один человек из того же приюта, хотя в девяностые ICANZ помогло усыновить в новозеландские семьи более семисот приемных детей из России, среди которых оказались и воспитанники моего Дома ребенка.

После телепередачи и статьи меня пригласили выступить на акции по сбору средств для ICANZ. Вечер состоялся в одном из центральных кинотеатров Окленда. Конечно, я был очень рад помочь и подготовил настоящую речь. Сначала нам показали потрясающий и очень трогательный документальный фильм: историю нескольких американских семей, ожидающих возможности взять приемных детей из других стран. После фильма Венди Хоук из ICANZ рассказала о своей организации. Она ведет колоссальную работу, помогая семьям по всей Новой Зеландии, в числе которых были и мои

родители. ICANZ сыграла огромную роль в моей жизни, и я всегда готов поддерживать ее.

Затем настала моя очередь. Я плохо представлял, какие вопросы мне будут задавать, но ничего неожиданного не случилось — я просто говорил и говорил. Про себя я волновался, не слишком ли затянул выступление, но потом люди просто засыпали меня вопросами — никто даже и не думал расходиться! Аудитория состояла из семей, которые либо уже имели приемных детей, либо всерьез намеревались их завести. Для них разговор с приемным ребенком давал возможность понять, как именно мы воспринимаем свое нынешнее положение. Это очень интересная тема, и скрывать тут совершенно нечего. Уверен, очень многие приемные дети просто хотят найти информацию о своем происхождении. Во всяком случае так было со мной.

Когда я, наконец, закончил, ко мне подошли несколько человек, чтобы задать вопросы лично. Они уже довольно много знали обо мне, но хотели узнать еще больше. Они спрашивали, почему моя биологическая мать решила отказаться от меня, но тут я не мог ничего ответить, потому что Татьяна до сих пор оставалась для меня загадкой. Единственное, что я могу сказать о ней с уверенностью — что она прожила действительно тяжелую жизнь. Меня спрашивали также, есть ли у нее другие дети. Ответ на этот вопрос вы уже знаете — к сожалению, нет.

Есть вещи, которые нужно просто принять такими, как они есть. Жизнь идет, прошлое остается в прошлом. С этим порой трудно смириться, но такова жизнь.

В тот вечер нашлись даже люди, которые пытались расспросить меня, «как все было на самом деле» и очень удивлялись, когда я отвечал, что по телевизору они видели чистейшую правду, к которой мне нечего добавить. Собрание вызвало большой общественный отклик, а ICANZ выразило мне благодарность за оказанную поддержку.

К тому времени я почти закончил «My Russian Side» и не сомневался в том, что ее стоит публиковать. Я ничего не знал о книжном деле, но мне казалось, что самым правильным будет издать ее за свой счет. В моей книге было всего пятьдесят страниц: я старался сделать ее короткой и простой. Я разместил в текстовом файле отобранные фотографии и начал рекламную кампанию.

«Моя русская семья»

Как легко догадаться, продавалась книга довольно вяло, зато файл скачали несколько сот раз. У меня не было цели сделать мою работу бестселлером. Я не собирался становиться писателем и зарабатывать на этом деньги, гораздо важнее для меня было просто донести свою историю до широкой публики. Городская газета Фангареи поместила на книгу очень теплую рецензию, после которой многие знакомые моих родителей захотели получить по экземпляру. Еще несколько экземпляров приобрели новозеландские библиотеки, так что теперь прочесть мою книгу мог любой желающий. Собственно, ничего большего я и желал.

Книга была в продаже всего несколько месяцев и получила прекрасные отзывы. Несколько библиотек и Оклендский музей пригласили меня на встречи с читателями, во время которых я подписывал книги всем желающим. Мои кровные родители тоже заинтересовались книгой и очень хотели прочесть ее на русском. Я не знал никого, кто мог бы помочь с переводом, но неожиданно обнаружилось, что одна из знакомых Михаила, неплохо владеющая английским, не только прочла книгу, но и успела перевести ее. Моя благодарность не знала границ. «My Russian Side» теперь существовала на двух языках. Русская версия получила название «Моя русская семья», поскольку перевести «My Russian Side» без потери смысла оказалось невозможным. Я купил два экземпляра книги, мои родители написали длинное письмо, и мы послали по экземпляру Татьяне и Михаилу. Через несколько месяцев количество скачиваний пошло на спад. Я, конечно, рекламировал свой текст, насколько это было в моих силах, но от меня уже мало что зависело.

Отныне я знал, что литература — тяжелый труд, требующий недюжинной смелости. Зато теперь у меня была написанная своими руками книга, которую я смогу перечитывать на старости лет. И мои дети тоже смогут читать ее.

Я гордился своей работой. Оглядываясь назад, я понимаю, что 2014 год был одним из самых удачных в моей жизни. В этот год я написал книгу и рассказал свою историю на ТВ. Это было прекрасно.

Теперь мне захотелось заняться чем-то еще, сделать нечто такое, что позволило бы мне оставить след в мире. Моей страстью оставались видео- и киносъемка, и я решил сосредоточиться на профессиональной карьере. Незадолго до того мне выдали кинокамеру формата Super-8, обладавшую совершенно роскошными характеристиками, вот только пленка для нее стоила совсем не дешево — хотя каждый потраченный на нее цент окупался с лихвой.

Новогодние праздники я провел в родительском доме и после короткого отпуска был готов с новыми силами приняться за дело. Я начал размышлять о том, что полезного я могу сделать для других приемных детей. По возвращении в Окленд я взялся за изучение интернет-ресурсов, полезных не только для них, но и для их новых родителей. Существует множество подобных сайтов, однако я задался целью создать такой, который позволял бы при этом активно использовать возможности социальных сетей.

Январь 2015 года оказался для меня интересным временем. Я всерьез собрался выучить русский язык, хотя и понимал, насколько это непросто. В Facebook я нашел группу для русских, живущих в Новой Зеландии, и решил, что кто-нибудь из ее участников обязательно захочет мне помочь. Изложив свою историю, я получил множество комментариев и предложений. Кроме того, мне написала девушка по имени Маргарита, живущая в Сибири. Она рассказала, что приезжала в Новую Зеландию на учебу, видела телепередачу обо мне и очень хочет познакомиться — тем более, что в ее планах было вернуться в наши края на постоянное жительство. Как выяснилось, Маргарита специально завела профиль на Facebook, чтобы расширить круг своих новозеландских знакомых. Она задавала мне вопросы о том, как проходили мои поиски биологических родителей. Ее интересовали не столько конкретные шаги, которые я предпринимал, сколько движущие мною чувства. Маргарита понравилась мне, и я обрадовался, когда выяснилось, что она прибудет в Новую Зеландию уже через несколько недель.

Наступил февраль, и перед первыми выходными Маргариты, которая к тому времени уже переехала и успела найти работу, я послал ей сообщение с предложением встретиться. Она ответила, что ей тоже не терпится познакомиться со мной лично. Она жила неподалеку от горы Иден, так что я прыгнул в машину и отправился к ней. Я не представлял себе, чего ожидать

от этого знакомства — возможно, думал я, мы просто встретимся один раз, и на этом все закончится. Впрочем, я надеялся, что все сложится иначе. Приехав, я увидел, как из двери дома на противоположной стороне улицы выглядывает Маргарита, в жизни оказавшаяся настоящей красавицей. Махнув мне рукой, она перебежала через дорогу и представилась.

Мы обменялись словами о том, как рады состоявшемуся знакомству, и я предложил вечером покатать ее по Окленду. Кажется, мы оба были взволнованы нашей встречей. Мы поехали на пляж в Мишен-бей — пригород, находившийся в двадцати минутах езды от ее дома. Помню, что на Маргарите был белый жакет и что она все время расспрашивала меня о том, как мне живет в Окленде. Я довольно скромно и поэтому говорил немного, но вскоре понял, что с удовольствием продолжу общение с этой девушкой. Маргарита прямо-таки сияла во время разговора, и мне было хорошо с ней, хотя я видел ее впервые в жизни. Я чувствовал, что должно случиться что-то хорошее, но понимал, что думать об этом еще рано.

Через несколько недель мы устроили поездку на север. Я хотел показать ей Бей-оф-Айлендс — это место обязательно должен увидеть каждый, кто приезжает в Новую Зеландию! В пятницу, закончив дела, мы с Маргаритой и русская супружеская пара, с которой она недавно познакомилась, выехали из Окленда в Матапури. Я рассказывал своим спутникам о Фангареи и планировал заглянуть на обратном пути к родителям. Мы приехали в пляжное бунгало — прекрасное место, чтобы провести выходные. В субботу мы еще три часа ехали на север и наконец добрались до Бей-оф-Айлендс; Маргарита назвала залив райским уголком. Она никогда не видала подобной красоты, очень много фотографировала всех нас и никак не хотела уезжать.

Приближался мой день рождения, и я собирался устроить небольшую вечеринку у себя дома. Для подготовки к приему гостей я взял выходной, а Маргарита, закончив дневные дела, приехала, чтобы помочь мне. Так мы начали встречаться.

В мае я получил от Аарона приглашение провести съемки в США. От такой возможности нельзя было отказаться. Это был мой первый визит в Штаты, и я с нетерпением ждал его. В качестве оператора я проехал с Аароном от Небраски до Чикаго, получив незабываемый опыт. По пути мне встречались только симпатичные, компанейские люди, которых, правда, удивлял мой акцент: они принимали меня за австралийца.

Вернувшись из США, я выделил немного времени для своих проектов. Так, в начале июля я связался со знаменитым русским журналистом, аудитория которого составляла сотни тысяч человек. Я предложил ему помочь в распространении того фильма, который сделало обо мне новозеландское ТВ в 2014 году. Тот с интересом согласился и сразу принялся за дело.

К тому времени моя книга уже была переведена на русский язык. Фильм, показанный в эфире одного из российских телеканалов, увидело более десяти тысяч человек, вызвал массу публикаций в русском сегменте интернета, на новостных сайтах и форумах, посвященных вопросам усыновления. Конечно, это способствовало просвещению общества в этой сфере.

Вскоре родился и проект I'm Adopted. Придумать новому проекту имя всегда непросто. Я рассматривал варианты Adopted («Приемный») или Adoptees Worldwide («Приемные дети всего мира»). Однако все они казались мне недостаточно подходящими. В итоге мной было выбрано название I'm Adopted («Я — приемный ребенок»). Поскольку я планировал делиться различными жизненными историями и делал ставку на социальные сети, то первым делом создал страницу проекта на Facebook.

Поначалу проект был совсем маленьким, о нем было известно лишь нескольким моим знакомым. Один из них, Алекс Кач, приемный ребенок из Румынии, вызвался стать нашим первым героем, и его биография открыла серию материалов о приемных детях.

«Я — приемный ребенок»

Я решил не загромождать страницу проекта лишними подробностями: просто текст, иллюстрированный фотографиями. Этот вариант оказался эффективным и хорошо «работал», но я знал, что проект необходимо расширять. Поэтому я распространил информацию среди знакомых мне приемных детей и связался с ICANZ, которое содействовало мне в популяризации страницы. I'm Adopted начал привлекать посетителей. У меня с самого начала не было сомнений в том, что моя идея не останется незамеченной, так что я с удовлетворением наблюдал, как растет проект. Я и хотел сделать его большим, чтобы с его помощью приемные дети могли найти кровных родственников и получить ответы на свои вопросы.

Через несколько недель я обратился к людям, продюсировавшим передачу обо мне. Они поручили журналисту, интересующемуся моим проектом, подготовить короткий материал об I'm Adopted. И мой проект начал распространяться! Люди слышали о нем и желали узнать больше. Начали поступать рассказы приемных детей. Я был уверен, что моя идея принесет пользу очень многим. На протяжении нескольких следующих недель на сайт приходили все новые и новые биографии. Публика интересовалась, какие цели преследует I'm Adopted и зачем я создал этот проект. В ответ я рассказывал собственную историю и объяснял, что просто хочу помочь приемным детям во всем мире. Постепенно информация переходила от одного приемного ребенка к другому, и я получал все новые и новые истории.

Через несколько месяцев мне пришло сообщение от русского журналиста, работавшего в ночном телешоу. Редакция видела сюжет о моих встречах с биологическими родителями на одном из новостных сайтов, и теперь ее представитель захотел узнать, как работает I'm Adopted и каким образом мой проект помогает приемным детям. Эта переписка

происходила на ранней стадии существования проекта, хотя он уже быстро рос и к тому времени охватывал несколько сот человек. Люди начали задаваться вопросами и помогать друг другу — именно к этому я и стремился. Меня попросили сняться для сюжета в этой российской передаче. Я не имел никакого представления об этом шоу, но, поскольку оно давало возможность еще шире распространить информацию об I'm Adopted, охотно согласился. Съемку нужно было организовать так, будто я действительно разговариваю с ведущим, находясь в студии. Я должен был сказать несколько фраз по-русски, и, по мнению Маргариты, у меня это вышло очень смешно, так как мои успехи в изучении языка все еще оставляли желать лучшего. Все выходные мы с Маргаритой старательно снимали друг друга и, наконец, отправили отснятый материал в Россию. Перекачивание файлов заняло ровно двадцать четыре часа! Получилось утомительно, но дело того вполне стоило.

На неделе меня известили, что наш сюжет скоро покажут. Мне очень хотелось увидеть, что же сделали с моим материалом, и узнать, много ли народу смотрело передачу в эфире. Это ТВ-шоу показывали поздно ночью, и это тоже было интересно для меня. В России одиннадцать часовых поясов. Не знаю, как там устроено телевидение, но, очевидно, совсем не так, как в Новой Зеландии, которая вся помещается в одном. Мне сообщили, что сначала передачу покажут во Владивостоке, расположенном на восточной оконечности России, а еще часов через восемь — в Москве и Санкт-Петербурге. Тогда я тоже смогу ее посмотреть.

Сюжет сделали просто замечательный, хотя некоторые части и показались смешными — особенно те, где я пытался говорить по-русски или делал вид, что моя съемка проходила «вживую». Но с нее началось знакомство русской публики с проектом I'm Adopted, что было очень важно для меня. В сюжете появился и мой биологический отец Михаил — в отснятом заранее разговоре по Skype со мной и Маргаритой.

После этой передачи я начал получать все новые и новые биографии не только из Новой Зеландии, но и из России, и даже США. Так на сайте появилась история девушки, которая выросла в США, но желала отыскать своих русских родителей. Вскоре после этого ей удалось найти свою кровную родню. Некоторых уже не было на свете, но с другими она установила контакт. Она благодарила за помощь лично меня, хоть я и был совсем ни при чем: ей помогли те, кто присоединился к I'm Adopted в качестве волонтеров. Проект

работал просто замечательно, а ведь, казалось бы, только-только возник. Я чувствовал, что у него большое будущее.

Маргарита гордилась происходившим и старалась помочь, чем могла. Михаил рассказал ей о популярном российском ток-шоу. Я ознакомился с этой передачей в сети и отыскал на ее сайте страницу, где можно было предложить продюсерам свою тему. Через это шоу можно было бы обратиться к приемным детям не только в Новой Зеландии, но и в России.

Я изложил в письме историю поездки в Россию для встречи с биологическими родителями, рассказал о проекте I'm Adopted и его нынешнем положении, после чего проверил ошибки и нажал «Отправить». Теперь осталось только ждать, заинтересует ли мое письмо организаторов передачи настолько, чтобы пригласить меня.

Ознакомившись с шоу повнимательнее и посмотрев несколько выпусков, я выяснил, что оно обращается к широкому кругу самых разнообразных тем. Теперь я даже не был уверен, хорошей ли идеей было написать туда. Мне просто хотелось получить ответ и помочь как можно большему числу приемных детей. Каждый день я, проснувшись, прежде всего проверял почту. Через несколько дней в моем электронном ящике появилось несколько писем, а в телефоне — непринятый входящий вызов. С помощью Google Translate я смог выяснить, что меня просили как можно скорее позвонить по этому телефонному номеру в Россию.

Мой собеседник, хотя и мог кое-как изъясняться по-английски, все же предпочел говорить по-русски. Несмотря на то что по новозеландскому времени было только шесть утра, я разбудил Маргариту, и мы смогли поговорить с ассистентом продюсера передачи. Постановщики шоу хотели, чтобы я со своим новозеландскими родителями и Маргаритой в следующую среду — через неделю — был в Москве. Я работал на полную ставку и плохо представлял, как мне удастся получить внеочередной отпуск, но отказаться от приглашения, несмотря на всю спешку, просто не мог.

По дороге на работу я из машины позвонил маме и папе и поставил их в известность, что в следующую среду мы, возможно, будем в Москве. Мама решила, что я шучу, а папа посоветовал первым делом все проверить и убедиться, что приглашение настоящее. После обмена несколькими сообщениями я в то же утро получил письмо, где были подробно расписаны предстоящие события. Теперь мы убедились, что это не розыгрыш. Мама сказала, что это очень интересно, но ей нужно подумать до вечера. Я ответил, что

решать нужно, не откладывая. Некогда терять время — нужно организовывать поездку! Поставив машину, я, как обычно, пришел на работу, попросил менеджера уделить мне несколько минут и объяснил, что меня приглашают в Россию для участия в телевизионном шоу. Он поинтересовался, в каком месяце это будет, чтобы он смог распределить работу и прикрыть мое отсутствие. Я сказал, что передача состоится в следующую среду. Менеджер на мгновение онемел, а потом протянул, что должен подумать и сообщит мне о своем решении ближе к вечеру. Я терпеливо ждал, пока он перетасует график, чтобы коллеги могли заменить меня, пока я буду в отъезде. То утро выдалось необычным — оно было посвящено планированию и подготовке, а заодно и панике. Еще не наступило время ланча, как менеджер пригласил меня к себе и сказал, что все успешно улажено — я могу ехать.

Планы необходимо было построить как можно быстрее, поскольку до среды оставалось совсем немного времени. Маргарита сказала, что у нее все готово и можно ехать в любой момент (она не предавалась излишним размышлениям — если надо, значит надо). Через пару дней о готовности ехать в Россию сообщили мама и папа.

Теперь оставалась единственная трудность — визы. Мы с Маргаритой могли отправиться в Россию когда угодно: наши российские документы были действительны. А вот у мамы и папы с их новозеландскими паспортами положение было иное. Все дело было в том, чтобы вовремя подать правильно оформленные бумаги. Для получения туристической визы маме и папе достаточно было приложить авиабилеты с графиком полета и полученные от телепродюсеров ваучеры отеля.

Наконец, мы были готовы лететь в Россию. Мы не знали, что нас там ждет, но я нисколько не сомневался, что предстоящие события окажутся незабываемыми.

Ток-шоу

Вторник наступил скоро. Я еще раз все проверил — это было нетрудно, так как мы с Маргаритой собирались пробыть в Москве всего два дня. Нам предстоял убийственный по напряженности вояж. А мама и папа, напротив, хотели задержаться, чтобы посмотреть Москву и вообще насладиться статусом туристов. Я же должен выйти на работу сразу после посадки самолета в Новой Зеландии — в следующий понедельник.

Я думал о том, как пройдут ближайшие дни и был твердо уверен лишь в том, что они окажутся очень утомительными. Пойдет на пользу моему делу участие в этом ТВ-шоу или повредит? Сейчас я не мог об этом судить. Я просто радовался возможности снова увидеть своих биологических родителей и познакомить их с мамой и папой. Ведь я даже не надеялся, что это когда-нибудь случится, поэтому воспринималось мной не иначе, как чудо.

Родителям оформили визы вовремя. В среду, в день отлета, они с утра проехали на машине два часа до Окленда, оттуда вылетели в Веллингтон, получили визы, вернулись в Окленд и встретились с нами. Уже первая половина дня оказалась у них чрезвычайно насыщенной, а ведь впереди еще был двенадцатичасовой перелет в Гонконг. Я положил в сумку новую камеру, так как собирался снимать все, что будет происходить. Для начала я запечатлел всех нас в самолете и наше прибытие в Гонконг. Рейс, на котором мы должны были лететь в Россию, задержался на семь часов, так что я весь извелся в ожидании посадки.

Довольно скоро после вылета мы оказались в зоне едва ли не самой сильной турбулентности, какую мне только доводилось испытывать. Было не по себе, но, к счастью, болтанка продолжалась недолго, и все мы смогли отдохнуть. В Москве мы оказались в четверг утром и, несмотря на задержку, укладывались в график. В аэропорту нас встретил ассистент продюсера

и, поскольку со всеми документами у нас был полный порядок, мы без проволочек прошли досмотр.

Для меня это был второй визит в Россию за два года — почти день в день. Пока мы ехали в отель, сопровождающий рассказал, каким видится наше участие в шоу. Съемка очередного выпуска ток-шоу должна была состояться уже завтра. Для нас все было распланировано до последней минуты. Я знал, что Михаил и Татьяна уже в Москве, но меня предупредили, что увидеться с ними можно будет только на передаче. Мама и папа рассчитывали познакомиться с ними сегодня же вечером, но пришлось смириться с требованием организаторов.

Стоял ноябрь, на улице было очень холодно. Я хорошо помнил, как мерз во время первой поездки, и радовался тому, что номера в нашем отеле оснащены кондиционерами, в это время года работающими на обогрев.

Мы дружно решили считать, что сейчас вечер, и разошлись по номерам — мама и папа к себе, мы с Маргаритой — к себе. Родителям я сказал, что они и опомниться не успеют, как вернутся в Новую Зеландию. Такого напряжения, как в прошлый приезд, не испытывал, но все же мы все спали плохо: родители очень устали от поездки, я же не мог заставить себя не думать о новой встрече с биологическими родителями и о выступлении на ТВ. Несколько раз за ночь я просыпался и видел в окне ряды совершенно одинаковых жилых многоэтажек. Отель, в котором мы остановились, находился в центре Москвы, огромного города, который никогда не спит. Гул проезжающих машин в конце концов убаюкал нас.

Утром я проснулся первым, готовый ко всему, что припас для меня наступивший день. Мама и папа элегантно оделись и, хоть и предвкушали знакомство с моими биологическими родителями, мечтали о том, чтобы этот день поскорее закончился. Признаться, я полностью разделял их желание. Позавтракав, мы отправились на такси в телестудию. По дороге продюсер объяснил нам, что мы примем участие в популярнейшем из российских телешоу. В здании мы предъявили наши паспорта и принялись ждать приглашения в студию. Мне дали наушник, чтобы я мог слышать синхронный перевод. Скоро должен был появиться ведущий шоу. Нервы у меня сдали, и я принялся расхаживать по студии в ожидании начала. Я ходил кругами, пытаюсь осознать все происходившее и предстоящее. У меня все еще не было уверенности в том, что я верно поступаю, участвуя в этом шоу.

Я знал, что с другой стороны студии ждут Татьяна и Михаил. Для пущей интриги продюсеры продолжали прятать нас друг от друга. В студии

присутствовали зрители — в основном женщины. У всех был такой вид, будто они предпочли бы оказаться где угодно, только не здесь, и я, хоть и нервничал, не мог сдержать смеха.

Организовано все было просто великолепно. Мне дали сигнал, что съемка начнется через минуту, и я сосредоточился, внимательно слушая переводчика, который говорил со мной в режиме реального времени. Я так волновался, что поначалу даже забыл, что участвую в русскоязычной телепередаче, но тут камеры задвигались, и все началось по-настоящему. Ведущий вошел в студию и представил тему шоу.

Для начала на большом экране показали отрывок из любительского фильма с эпизодами из моего детства. Эти трогательные кадры, напомнившие мне, помимо прочего, и о том, как мне повезло с моими нынешними родителями, прекрасно подошли для старта программы. Затем ведущий сел рядом и начал задавать мне вопросы. Сосредоточившись на голосе в наушнике, я рассказывал свою историю. После разговора о моей жизни, ведущий пригласил в студию Татьяну. Прежде я видел ее лишь в свой приезд в 2013 году. Она поднялась на сцену, улыбаясь, подошла ко мне и обняла. Я был рад встрече, ведь после первого знакомства было неясно, увидимся ли мы когда-нибудь еще. На сей раз я волновался не так сильно но чувствовал, что мне нужно поговорить с ней подольше, более обстоятельно, и не знал, удастся ли нам это. Она же казалась бодрее и спокойнее, чем при нашей первой встрече. Я предложил ей сесть рядом со мной, но ведущий проводил ее к другому диванчику.

На вопрос, как она живет, Татьяна ответила, что у нее все хорошо. Глядя на нее, я гадал, что же могло происходить с нею за два минувших года, когда я почти ничего о ней не слышал. Как только мы оказались в одном помещении, у меня возникло множество вопросов к ней. Мне хотелось узнать, почему же она уклонялась от общения. Да, у нее была своя жизнь, у меня своя. И я знал, что счастлив быть тем, кто я есть, и иметь своих нынешних маму и папу, но мне никак не давала покоя мысль о том, что Татьяна почему-то не хочет со мной общаться. Татьяну спрашивали о том, почему она оставила меня в роддоме, и она, как и раньше, объясняла это тем, что те времена были очень тяжелыми для нее, как и для очень многих, кому выдалось тогда рожать. Но она так и не сказала, почему не известила о беременности и появлении ребенка моего биологического отца, да и в дальнейшем не дала внятного ответа на этот вопрос. Ведущий задавал Татьяне много вопросов, а потом повернулся ко мне. Я рассказал, что теперь у меня все хорошо, что

АЛЕКС ГИЛБЕРТ

жизнь идет своим чередом, и все мы рады, что удалось установить связь, а прошлое — в прошлом. По сигналу ведущего для Татьяны запустили отрывок из фильма о моей жизни в Новой Зеландии, чтобы она смогла посмотреть, как я рос.

Я знаю, что Татьяна радовалась тому, что меня усыновили, и считала, что она поступила тогда совершенно правильно. Было заметно, что ей понравилась история моего взросления. Когда ее спросили, что она думает о Новой Зеландии и моих теперешних родителях, она сказала, что они отлично справились с моим воспитанием.

Затем в студию пригласили мою маму, Джанис Гилберт. Она прежде всего поздоровалась с Татьяной, которую я к тому времени уговорил пересесть ко мне, чтобы не сомневаться, что с ней все в порядке. Мне казалось, что все происходящее давалось ей нелегко. Потом вышел мой биологический отец Михаил. Съемка продолжалась, а я все думал о том, что произошло много лет назад и о том, что мои биологические родители не могли и предположить, что снова встретятся спустя такой срок. Михаил появился с букетами для моей мамы и Татьяны. Мне было известно, что его нынешняя жизнь совсем не похожа на ту, которую он вел прежде, поэтому не может воспринимать Татьяну как свою утраченную любовь, так что не следует ожидать вспышки эмоций, слез и воспоминаний. Михаил подошел к Татьяне, вручил цветы, спросил, как она живет, и я видел, что это было ей приятно. Кстати, Татьянина личная жизнь тоже изменилась с момента нашего с ней знакомства: тогда она была замужем за мужчиной по имени Андрей, но теперь с ней был другой мужчина, моложе ее — лет тридцати с чем-то, мы познакомились с ним в тот же день ближе к вечеру. Михаил уселся и рассказал о том, как знакомство со мной сказалось на нем и его семейной жизни. Ведущий спросил, как бы он повел себя, если бы Татьяна тогда рассказала ему о моем существовании. Михаил ответил также, как и мне два года назад: непременно вырастит бы меня сам. Вряд ли он сможет когда-нибудь простить Татьяну за то, что она скрыла от него беременность, эта мысль терзала его с тех самых пор, как он узнал обо мне. Я понимаю, что любой отец будет потрясен, узнав, что у него есть ребенок, о котором он никогда прежде не слышал. Как и Татьяна, он поблагодарил моих родителей и сказал, что они прекрасно справились со своей задачей. Мои папа и мама тоже были очень рады познакомиться, наконец, с Михаилом и Татьяной.

Для меня был подготовлен еще один сюрприз: в студии присутствовал Артем, еще один сын Михаила, с которым я прежде не был знаком. Я подошел

к нему, и мы поздоровались. Он совершенно не знал английского, я же практически не владел русским языком. Тем не менее эта встреча очень меня обрадовала.

Съемка, продолжавшаяся несколько часов, наконец-то подошла к концу. В завершение показали видеозапись девушки из США, опубликовавшей свою историю в *I'm Adopted*. Она всю жизнь хотела отыскать своих биологических родителей, живших в России. И сейчас она с большого телеэкрана студии благодарила меня за создание сообщества, где приемные дети могут обмениваться жизненным опытом и общаться друг с другом. Я с гордостью увидел, что мой проект уже помогает людям со всего мира. Зрители зааплодировали, и шоу закончилось.

Продюсер проводил нас в помещение за студией, где мы все могли поговорить без камеры. Михаил привел туда всю свою семью, а Татьяна — нового бойфренда. Михаил подготовил подарки для всех (впрочем, мы тоже). Было хорошо наконец-то пообщаться всем вместе — ведь, хотя прошло всего два года, многое успело перемениться. Мы сфотографировались, а потом нас попросили покинуть комнату, так как она требовалась для съемок другого эпизода. Татьяна говорила мало, но все же сказала, что рада новой встрече со мной. Для меня же этот момент был полон эмоционального накала. Впервые все наши семьи собрались в одном помещении. И снова происшедшее показалось мне сюрреалистическим — очень странно было видеть, как мама и папа разговаривают с моими биологическими родителями.

Конечно, с помощью Маргариты и еще нескольких человек, способных переводить, я понял, что разговор сводился к вопросам о том, кто как живет и как папе и маме нравится в Москве. Но мне было важно увидеть, как все эти люди знакомятся. Это стоило каждой потраченной минуты.

Татьяна попросила меня когда-нибудь еще раз заехать к ней. Завтра ей нужно было выходить на работу, поэтому предстояла продолжительная поездка домой, в Рыбинск. Мы довольно скоро попрощались с ней и ее спутником. Взяв цветы, она уходила по коридору телестудии, а я провожал ее взглядом и думал, увидимся ли мы когда-нибудь снова. Мне она сказала, что у нее все хорошо, но я подумал, что она могла чувствовать себя лишней.

Оставалось надеяться, что новый спутник жизни позаботится о ней. Все оставшиеся согласились немного погулять по Москве, а потом поужинать где-нибудь всем вместе. На улице оказалось холодно, и хоть мы с мамой и папой считали, что хорошо подготовились к русской погоде, пообещали себе

в следующий раз одеться еще теплее. Впрочем, как бы там ни было, сегодняшний вечер следовало использовать максимально продуктивно, поскольку уже завтра пора было улетать.

Взяв такси, мы отправились на Красную площадь, о которой много слышали. В 2013 году у меня не хватило времени посетить эту часть города, и я хотел наверстать упущенное в нынешнем путешествии. Прогулявшись по Красной площади, мы почувствовали себя отдохнувшими, но проголодались и нашли хорошее место для обеда. У каждого из нас были вопросы друг к другу, но приходилось сдерживать нетерпение, поскольку единственным переводчиком была Маргарита.

Прощание с Москвой

Мы довольно долго сидели, болтали и веселились, но в конце концов настало время прощаться. Телегруппа поселила Михаила с его семьей и нас в разные гостиницы, что бы мы не встретились до начала съемок. Все готовилось втайне от нас, так что наши реакции в передаче оказались спонтанными — что от нас и требовалось. Я задумался о том, что как же хорошо получилось, что все обрадовались этой встрече и поладили между собой.

Проснувшись на следующее утро, мы спустились к стойке портье, чтобы вызвать такси и отправиться в ближайший торговый центр. Мы с Маргаритой должны были улететь вечером, а мама с папой оставались еще на несколько дней, чтобы посмотреть Москву. Такси оказалось дешевым, но с сумасшедшим водителем. Я заметил, что на его машине не было никаких обозначений, и усомнился в том, что нам подали зарегистрированное такси. Я переживал из-за этого, но молчал, а когда машина буквально на сантиметр разминулась с мчащимся навстречу грузовиком, даже зажмурился.

Мы приехали в торговый центр в удачное время — думаю, в тот день мы оказались там первыми покупателями. Мне не очень нравится ходить по магазинам, это занятие быстро надоедает, поэтому мы с папой расположились снаружи и все утро прождали маму и Маргариту. Получилась хорошая передышка после вчерашнего напряженного дня. При этом мы внимательно следили за временем, поскольку после ланча нужно было вернуться в отель, сложить вещи и отправляться в обратный путь. Трудно было поверить, что наше время уже пролетело и пора возвращаться в Новую Зеландию. Я с удовольствием задержался бы подольше.

Прибыло такси до аэропорта. Было очень странно понимать, что я оставляю родителей одних, посреди Москвы, и несколько дней не буду получать от них никаких известий. Мама и папа все еще ждали подтверждения

своих обратных билетов, но нас заверили, что они получают все, что нужно, уже во второй половине дня. Мы попрощались, и я попросил их связаться с нами, как только мы вернемся в Новую Зеландию. Путешествие вышло совсем коротким, зато весьма удачным, так что я был готов оправиться домой. По пути в аэропорт я отправил маме сообщение, в котором напомнил, чтобы она проверяла электронную почту, и пожелал, чтобы их экскурсия по Москве прошла удачно.

Движение на шоссе из Москвы было ужасающим, как будто все жители города решили одновременно с нами поехать в аэропорт. Потратив на поездку около часа, мы наконец прибыли и кратчайшим путем отправились к стойке регистрации. Все рейсы вроде бы вылетали без задержек, и мы встали в медленно двигавшуюся очередь. Сотрудник за стойкой спросил, есть ли у меня новозеландская виза; пришлось потратить некоторое время на объяснения, но, к счастью, никаких проблем не возникло.

Как и в прошлый раз, покидая Россию, я пожалел о том, что мой приезд сюда оказался таким недолгим. В следующий раз, решил я, нужно выкроить побольше времени и посетить мой родной город — Архангельск. Михаил очень гордился городом, где он вырос и много рассказывал о нем. От него и его семьи я получил много архангельских сувениров и считал, что там обязательно нужно побывать.

Первый самолет должен был доставить нас в Гуанчжоу. Нам с Маргаритой хотелось поскорее оказаться в привычном часовом поясе. В Москве мы пробыли так мало, что не успели перестроиться на местное время. Пока мы ждали пересадки на рейс в Окленд, я успел позвонить родителям. У них все было хорошо, экскурсия по Москве очень понравилась. Мы же, в конце концов, погрузились в самолет, чтобы преодолеть последний отрезок пути и завтра, в семь утра, приземлиться в Окленде. Мы пытались поспать, потому что сразу по прилете, быстро распаковав вещи, должны были отправиться на учебу и работу.

Когда мы приземлились в Окленде, мне меньше всего на свете хотелось на работу. Хотелось остаться дома и просидеть там целый день. Зато очень приятно было покинуть самолет, выйти из аэропорта и вдохнуть свежего воздуха!

Увидев меня, сослуживцы дружно решили, что я сошел с ума, раз вышел на работу в этот понедельник. Я был с ними полностью согласен: кланчу усталость все же взяла свое, я буквально засыпал на ходу. Так что я отпросился и поехал домой — отсыпаться. Еще я поговорил с мамой и папой; они, очень

довольные поездкой, уже находились в московском аэропорту и должны были вот-вот вылететь в Новую Зеландию.

Через неделю после возвращения мы снова втянулись в повседневную рутину. Мама и папа уехали домой в Фангареи, и все пошло так, будто мы и не уезжали.

В начале декабря ко мне обратилось TVNZ, желавшее снять репортаж о моей недавней поездке. Шоу, снятое в России, еще не показали, и я терпеливо ждал его выхода в эфир. В TVNZ также хотели посмотреть этот выпуск, в России же его показ постоянно переносился. Оставалось только ждать. Команда TVNZ ушла на каникулы, а мы решили собраться на Рождество и Новый год у моих родителей. В это время я получил долгожданное сообщение: мой сюжет покажут за несколько дней до Рождества. Я даже смог посмотреть анонс этого выпуска, так что сомнений больше не оставалось.

Из-за того что в России много часовых поясов, передача должна была идти ночью. Я решил посмотреть тот повтор, который предназначался для Москвы и Санкт-Петербурга, — в шесть утра по новозеландскому времени. Накануне я хотел как следует выспаться, но меня преследовали мысли о грядущей трансляции. Я не очень хорошо помнил, что говорилось во время съемок, и лишь надеялся, что не ляпнул ничего неуместного. Около десяти вечера появились сообщения от жителей Владивостока, смотревших передачу. Было очень грустно, что ее невозможно посмотреть онлайн и приходится ждать до утра, когда в интернете пойдет московская трансляция.

Я не мог даже предположить, как шоу повлияет на общественное мнение, и сколько людей его увидят. Проснувшись до будильника, я в оставшееся до 6 часов время читал на телефоне сообщения и комментарии. Полчаса прошли незаметно, тем более, что по телевизору показывали другое шоу — о внезапных браках незнакомых прежде людей. Мне показалось довольно странным, что именно эта программа предваряет передачу, в которой затрагиваются такие истории, как моя. В рекламных перерывах я с удовольствием видел фотографии своих родных.

Мне казалось, что съемки прошли давным-давно. Я смотрел, как захожу в студию, и напоминал себе, что то же самое видят более четырех миллионов человек.

Отовсюду ко мне сыпались сообщения. Я же думал о том, насколько сильно отредактирован первоначальный материал, но по сути в нем вроде бы ничего не изменилось.

Когда на экране появилась Татьяна, я забеспокоился. Я помнил, что несколько трудных вопросов поставили ее в тупик. Глядя на экран, я понял, насколько тяжело далась ей съемка, и жалел, что все происходило именно так. Я подумал даже, что для нее, может быть, лучше всего было бы вовсе не участвовать в шоу, но напомнил себе, что на это она решилась сама, без всякого нажима. Ей предложили — она согласилась.

Я смотрел шоу как смотрел бы фильм о себе. Одновременно мой телефон буквально разрывался от сообщений и звонков, и я отключил его. Час, отведенный на шоу, пролетел незаметно, и я вновь включил телефон, чтобы изучить отклики. Они, в большинстве своем, были положительными; особенно меня порадовало, что никто не обратил внимания на то, как неловко ощущала себя Татьяна. Я знал, что поступил правильно: родители были рады знакомству с моими биологическими родителями. Это было невероятное событие, определенно изменившее мою жизнь.

Когда я приступил в тот день к работе, Россия начала отходить ко сну, и поток сообщений ослабел, хоть и не прекратился совсем. Отклик казался грандиозным — более 200 сообщений. Время для выхода передачи оказалось очень удачным, так как на следующий день на работе состоялась рождественская вечеринка, то есть мы работали всего полдня, благодаря чему у меня было больше времени для чтения сообщений — люди делились своими впечатлениями о шоу; многие спрашивали, не могу ли я помочь им найти родственников. День прошел быстро, а рождественская вечеринка — весело. Работа в этом году закончилась.

Я был готов к рождественским и новогодним каникулам. Мне хотелось, чтобы 2016 год оказался важным для проекта *I'm Adopted*, и знал, что могу добиться исполнения своего желания. Погода стояла замечательная, но настоящих каникул у нас не получилось. Маргарита поспешно переводила шоу на английский язык, я же обдумывал пути развития *I'm Adopted*.

Мы всей семьей праздновали Новый год и слушали, как часы били полночь. Я был очень доволен тем, как прошел 2015 год. В ту ночь мне было что праздновать.

Цели

Развивать мой проект было крайне непростой задачей, даже с учетом могучих возможностей Google Translate. Я, конечно, подумывал о том, чтобы использовать в I'm Adopted и другие языки, что расширило бы охват желающих отыскать свои корни. Со мной связались несколько человек, готовых перевести уже имеющиеся на сайте биографии для родившихся в России англоязычных приемных детей по всему миру, и... В один прекрасный майский день русскоязычная версия I'm Adopted заработала!

Меня радовала возможность публиковать новые биографии, которые теперь поступали ко мне чуть ли не ежедневно. Весь месяц я, приходя с работы, садился писать для I'm Adopted. Я сосредоточился на том, чтобы предоставить читателям максимум информации и открыть как можно больше ресурсов. Рассказывать о том, где искать, как искать и даже искать ли вообще. Эти вопросы задавали мне всегда. Показателен случай с одной русской девушкой, удочеренной в Новую Зеландию. Для поисков своих биологических родителей она обращалась к частному детективу, который в итоге не смог ей помочь, и решила рассказать о себе на странице I'm Adopted. Текст и фотографии были размещены и на английской, и на русской версии сайта — а дальше история разошлась по миру, как лесной пожар. Ее распространили несколько мелких новостных агентств из России, а отклик на нее продемонстрировал всю мощь социальных сетей. На сайт посыпалась информация, и уже примерно через месяц девушка нашла след. Я получил от нее письмо, в котором она благодарила меня за то, что я сделал этот ресурс. Ей самой не верилось, что все получилось!

Каждая история, каждый поиск не похожи на другие. Реальность состоит в том, что не все приемные дети находят именно тех, кого ищут, — здесь все сложно... Но удачный результат вызывает совершенно невообразимое ощущение.

Я был доволен тем, как шли дела. Люди выкладывали свои истории и делились источниками информации. Были и те, кто не желал обнародовать свою биографию и вести поиск публично, но тогда они могли пользоваться материалами, имевшимися на сайте и странице Facebook.

В июне газета *New Zealand Herald* взяла у меня еще одно интервью, уделив особое внимание проекту *I'm Adopted*. Мне задавали обычные вопросы: сколько человек примкнули к моему начинанию и как оно в действительности помогает приемным детям. Мне было приятно рассказывать о своем проекте, ведь благодаря таким интервью о нем узнавало все больше народу. Вскоре после этого я решил организовать третью встречу *I'm Adopted*. Она была назначена в местном парке, и я, как обычно, гадал, появится ли вообще хоть кто-нибудь. Все прошло замечательно — народу собралось столько же, сколько и всегда, к тому же появилось несколько новых лиц. После этой встречи пришло время подумать о важной дате — первом дне рождения *I'm Adopted*. Проект очень много значил для меня, и я гордился тем, что имею возможность отпраздновать годовщину помощи людям. Праздник должен был отличаться от уже состоявшихся встреч, и я нисколько не сомневался в том, что смогу его устроить — и устроить хорошо. Подруга Маргариты подыскала подходящее место и договорилась об участии нескольких ораторов и почетных гостей. Присутствовать должны были не только приемные дети, но и семьи, уже воспитывавшие кого-то или думавшие об усыновлении.

Не успел я оглянуться, как подошла назначенная дата. Почти все было готово. Рано утром я отправился на место предстоящего события, чтобы расставить оборудование, проверить микрофоны и подготовить все для видеопрезентации, и очень расстроился, обнаружив, что с видеопроектором возникли трудности. Из Фангареи приехали мама и папа, а я думал лишь о том, как наладить не вовремя забарахлившую технику. Проблемы нам были совершенно не нужны, поэтому я заставил себя успокоиться и сконцентрироваться на их решении. Дело в том, что имеющийся у нас кабель оказался несовместим с проектором, но, к счастью, у меня была с собой камера, с помощью которой можно было показать презентацию. Теперь все было готово.

На праздник пришло много людей, желающих узнать, что такое *I'm Adopted*» и зачем я затеял все это. Главным вопросом вечера было: «Как ваш проект реально помогает приемным детям?».

Я всегда нервничаю перед публичным выступлением, но стоит мне только начать говорить, как все волнение моментально проходит. Я уверенно

вышел на сцену и объявил программу вечера. Затем выступали приемные дети — говорили от души, вдохновляя аудиторию своими историями. Исполнительный директор ICANZ Венди Хоук рассказала о работе своей организации и статистике международного усыновления внутри и за пределами Новой Зеландии. У Венди самой были приемные дети, а в качестве администратора ICANZ она оказывала помощь многим новозеландским семьям. Посетил вечер и Тодд Барклай, бывший депутат парламента, которого я знал с детства. Хотя у Тодда и не было приемных детей, он в тот вечер проявил себя искренним сторонником нашего дела. После выступлений был небольшой фуршет.

Вечер, безусловно, удался. Я беспокоился по поводу количества гостей, их состава и даже по поводу того, правильно ли рассчитал время выступлений, но никаких накладок не случилось, а количество собравшихся порадовало меня. И главное — первая годовщина I'm Adopted не прошла незамеченной. Разве что у меня было легкое чувство досады от того, что подготовка к мероприятию заняла много времени, а вот само оно прошло слишком уж быстро. Придя домой почти в полночь, я сразу же выложил в сеть фотографии с нашего юбилея.

На протяжении нескольких следующих недель я получил множество историй не только из Новой Зеландии, но и со всего мира. Сайт уже работал как бы сам по себе, но я продолжал писать в блог. В это время со мною связался Аарон Каротта, помогавший мне в организации и осуществлении первой поездки в Россию в 2013 году. Он сообщил, что путешествует по США на каяке — хочет установить мировой рекорд в одиночном походе. У вас может возникнуть законный вопрос: какое отношение это имеет к I'm Adopted или воспитанию приемных детей? А вот какое. По словам Аарона, его изумило количество людей, бывших приемными детьми, и он, хоть сам и не входил в их число, захотел помочь распространению сведений об I'm Adopted, рассказывая о проекте во время путешествия. Он также поместил на борту своего каяка интернет-адрес сайта. Я с большим интересом наблюдал за освещением путешествия Аарона различными телеканалами США. Его плавание продолжалось больше двухсот дней. Не знаю, удалось ли ему войти в Книгу рекордов Гиннеса, но, по-моему, для него был важнее сам процесс.

Я был признателен Аарону за содействие в распространение информации, но мне хотелось большего. После нескольких бессонных ночей я решил сделать фильм, который отвечал бы на самые распространенные вопросы,

связанные с проектом: что такое I'm Adopted? Почему он так называется? Как мы ищем родственников разных людей? — и так далее.

В субботу утром я настроил оборудование и, испытывая изрядную неловкость из-за отсутствия аудитории, заговорил в камеру. Собственную историю мне удалось изложить достаточно гладко. Затем я рассказал об истинных целях I'm Adopted. Закончив съемку, я перешел к компьютеру и взялся за монтирование. Как только фильм был загружен, зрители сразу же начали репостить его и обсуждать. Я с восторгом читал отклики, понимая, что сделал полезное дело. Фильм стал чем-то вроде введения ко всему проекту: теперь вместо однообразных ответов на одни и те же вопросы интересующимся можно было просто показать его. Я, скорее, интроверт и не особо люблю разглядывать себя на экране, да и от необходимости выступать публично не то что бы в восторге. Тем не менее я считал своим долгом как можно больше общаться с людьми, рассказывая свою и чужие истории. Я знал, что это приносит большую пользу делу, и осознание этого хорошо меня мотивировало.

Весна близилась к концу, лето стояло у порога. Можно было уверенно сказать: проект вырос. На сайт поступили сотни историй, и я очень радовался, что так много приемных детей нашли сведения о своих родных. Но у меня имелись планы по развитию I'm Adopted, а для этого требовалась команда. Это и стало целью на 2017 год.

После дня рождения I'm Adopted я поддерживал контакт с Тоддом Барк-лаем. Он предложил мне выступить в парламенте в следующем году. Для организации этого выступления мне также требовалась хотя бы небольшая команда. Я продолжал вести блог, и, кроме того, вместе с другими приемными детьми организовал несколько «живых» сессий вопросов и ответов на странице Facebook. Многие приемные дети обращались к нам за советами, а мы, в свою очередь, с интересом слушали их истории и жизненные наблюдения.

I'm Adopted растёт

Когда люди общаются, мир воспринимается совсем небольшим.

Мне очень хотелось, чтобы в мою команду вошли воспитанные в новозеландских семьях Алекс Кач, родившийся в Румынии, и Саша Келли из России. Мы встретились для неформального собеседования и я просто спросил, интересно ли им принять участие в проекте. Я был уверен, что с Алексом и Сашей не возникнет никаких проблем: я доверял им, как и они мне. Не было никаких сомнений: работая вместе, мы сделаем проект сильнее.

Первым испытанием стала подготовка презентации к выступлению в парламенте, намеченному на февраль. Поэтому летние каникулы у нас оказались скомканными: мы все время работали над текстом. Было ясно, что не стоит затрагивать некоторые темы и переступать через некоторые границы. Это относилось, в первую очередь, к приостановленному в 2013 году российско-новозеландскому двухстороннему соглашению, позволявшему взаимное усыновление гражданами наших стран. Мне хотелось затронуть и этот вопрос, но приходилось мириться с существующими ограничениями. Алекс, Саша и я подготовили список лиц, которых следовало бы пригласить на презентацию *I'm Adopted* в парламенте. Мы много думали о том, кто там будет нужен, и решили обратиться с просьбой о поддержке к Венди Хоук. Нам хотелось, чтобы презентация была профессиональной и информативной, а для этого нужно было очень постараться.

Постепенно мы подготовили черновой вариант доклада, из которого парламентарии получили бы исчерпывающие сведения о деятельности *I'm Adopted*, после чего взяли небольшую паузу. Я с Маргаритой и друзьями отправились встречать Рождество на север, поскольку хлопоты перед выступлением оставили нам слишком мало времени, чтобы навестить живших на юге родителей. Каникулы получились замечательными — я решил забыть обо

всех делах, никому не писал и вовсе не заглядывал в интернет. Я просто отдыхал, готовясь к встрече 2017 года. После праздников мы вернулись в Окленд и приступили к работе.

Я знал, что февраль наступит очень скоро, но не сомневался, что мы готовы. Предстоящее событие было чрезвычайно важным: нам представилась возможность публично рассказать о проекте I'm Adopted людям, способным оказать ему помощь. Это был уникальный шанс!

Мы закончили презентацию и подготовку докладов за неделю до выступления. 14 февраля, в день Святого Валентина и мамин день рождения, мы первым же рейсом вылетели в Веллингтон. Мы были готовы ко всему! Я мысленно перебирал возможные исходы предстоящего мероприятия, волновался и больше всего хотел, чтобы все поскорее закончилось.

В столицу мы прилетели около семи утра, в нашем распоряжении имелся целый день, и мы потратили его на осмотр достопримечательностей. Мы заглянули в музей Те-Папа², прошлись по магазинам, побывали на Королевской пристани и посмотрели издали на «Улей», одно из зданий парламентского комплекса, куда нам предстояло прийти ближе к вечеру.

Наша презентация была назначена на шесть часов вечера. Примерно за полчаса до ее начала нервы начали сдавать... Но я знал, что мы были готовы! К тому же в толпе я разглядел несколько знакомых лиц и, стоило мне заговорить, как все волнение как рукой сняло.

В своей речи (я постарался разбавить ее юмором) я остановился на важности общения для приемных детей. Я говорил о том, что любопытство играет очень важную роль в нашей жизни: мы думаем о том, откуда приехали, кем были наши биологические родители. Я озвучил некоторые статистические показатели работы I'm Adopted, рассказал о сотнях историй, которые мы обнародовали, о том, как много людей по всему миру нам помогают. В завершение я искренне сказал, что горжусь тем, что нам удалось сделать с помощью этого проекта.

Презентация стала важным шагом на нашем пути, но я заверил присутствующих, что это только начало. После выступления нас ждал обед. Мы радовались тому, что все прошло успешно и что нам удалось наладить отношения с еще одной группой людей.

² Национальный новозеландский Музей Те-Папа-Тонгарева. — *Прим. ред.*

I'M ADOPTED

Helping adoptees around the world connect

Send Email

- Home
- About
- Groups
- Pasts
- Events
- Media
- Photos
- Community
- Site and Ads

✉ contact@imadopted.org
 📷 [@imadoptedOrg](https://www.instagram.com/imadoptedOrg)
 🌐 <http://www.imadopted.org/>

В конце недели мы вернулись в Окленд. Успех нас радовал, но мы понимали, что результаты проявятся лишь через какое-то время. Пока же я стал выкладывать больше присланных историй в Facebook: чем больше народу присылало нам свои рассказы, тем активнее жил проект. Еще я понемногу погружался в рабочие будни, даже, можно сказать, поставил работу на первое место. Она мне никогда не надоедала и не раздражала. Но я радовался тому, что мне непрерывно пишут по электронной почте и на сайт. Ведь в этом и состоял смысл проекта. Остальные члены команды тоже должны были вернуться к повседневным делам. Мы все отлично понимали, что невозможно посвящать все время проекту, как бы нам этого ни хотелось. И все же я каждый день старался придумать что-то новое, что могло бы помочь развитию.

2017 год только начинался, но я хотел сделать так, чтобы он оказался незабываемым. Для этого я составил список целей, на которых следовало сосредоточиться. Среди них была и поездка в Россию, в архангельский Дом ребенка. Мне давно хотелось это сделать. Но осуществить эту поездку следовало так, чтобы она пошла на пользу нашему делу. Нужно было все правильно распланировать. Приют, в котором я начал свою жизнь, находился очень далеко, поэтому был необходим скрупулезно разработанный план, а его не составить за один вечер.

Я забыл упомянуть об истории Наташи, опубликованной в конце минувшего года. Вскоре после парламентских слушаний я получил возможность рассказать в национальных новостях о том, как I'm Adopted помог ей отыскать родственников в России. Появление в эфире репортажа об истории Наташи и ее поисках вызвало поток новых биографий приемных детей — что, по-моему, было очень кстати. У меня все вошло в рутинную колею, и я взялся за разработку новых идей. И тогда, и сегодня я постоянно работаю над ростом популярности своего проекта и никогда не откажусь от этой цели.

В том же феврале я навестил живущих на Южном острове бабушку и дедушку. Дед отмечал свой девяностый день рождения. Он признался, что не рассчитывал дожить до такого возраста, и много шутил на эту тему. Собралась вся наша семья, дед восседал на веранде в своем любимом кресле. Здесь нужно упомянуть историю моих дедушки и бабушки — она просто очаровательна! Они познакомились в юности и прожили в браке больше шестидесяти лет. Дедушка Колин был фермером, всю жизнь провел на ферме и продолжал бывать там, даже когда ему перевалило за девяносто. В его день рождения я сидел рядом с ним и бабушкой, и мы болтали об их жизни. Этими

единственными в своем роде воспоминаниями не смог бы поделиться никто другой. Я и представить не мог, что это была наша последняя встреча с дедом. Увы, именно так и случилось.

Вернувшись домой я и оглянуться не успел, как наступило 1 апреля — мой собственный день рождения. Собралось несколько друзей, с которыми мы провели тихий вечер — как я и хотел. Я говорил с Маргаритой о своем намерении поехать в Россию летом, через несколько месяцев, и о том, что цены на авиабилеты оказались настолько высокими, что пришлось отложить поездку до зимы. Кое-кто говорил, что я сошел с ума, собираясь в Россию зимой — но я-то уже знал, что ничего страшного русская зима не таит.

Месяц шел за месяцем, я занимался своей работой, а проект I'm Adopted продолжал развиваться. У меня был план, которого я намеревался придерживаться: хотел навестить свой приют и познакомиться в ходе поездки с людьми, которым мой проект мог бы быть интересен и которые могли бы помочь ему. Я поделился своими идеями с Михаилом, моим биологическим отцом, и тот ответил, что это прекрасная мысль, — главное, все тщательно продумать.

Несколько следующих месяцев пролетели совершенно обычно: в моей биографии, можно сказать, наступила пауза. Я уделял проекту мало внимания, полностью сосредоточившись на работе. Рассказывать об этом периоде мне нечего. Все было спокойно до начала июля, когда мне позвонила мама и сообщила, что дедушка упал и плохо себя чувствует. Я попросил подробно рассказать о его состоянии и сразу понял, что дело неладно. В тот же день я позвонил бабушке, чтобы дать понять, как мы беспокоимся о них. «Пожалуйста, передай дедушке, что я люблю его и думаю о нем», — сказал я. Она была очень расстроена, но понимала, что теперь остается только ждать.

В ту ночь я не мог уснуть. Невозможно было представить, что я больше не услышу голоса своего деда, очень дорогого мне человека.

Прощания

Дед был одним из лучших людей, которых я знал. Я желал ему долгих лет здоровья, но судьба распорядилась иначе.

На следующее утро я не находил себе места и позвонил отцу, так как знал, что мама слишком расстроена и ей трудно говорить. Увы, новости были неутешительными. Дедушка, находившийся в местной больнице, покинул нас. Перед смертью он чувствовал себя очень плохо, и я знал, что он не захотел бы жить в том состоянии, в каком оказался, но мне было ужасно жаль.

Нужно было снова лететь на Южный остров, в Инверкаргилл. Теперь я возвращался туда не на праздник, а по совершенно невыносимому для меня поводу. Нетрудно понять, что мне было не до посторонних дел. Но я старался сохранять присутствие духа. Я хотел отпраздновать прожитую им жизнь, зная, что и он хотел бы того же. Я, как наяву, слышал, что он велит мне не плакать.

Тем же вечером я прилетел в Инверкаргилл, мама с братом встретили меня в аэропорту. Мне было нелегко говорить с ними о наших чувствах. Скоро мы добрались до дома, и я увидел дедушку в гробу. С этого момента спокойствие мне изменило. Я стоял, глядя на него, и обещал себе, что он будет гордиться мной. Я был твердо настроен продолжать то, что начал, и жить так, как будто он постоянно видит меня.

На следующий день после похорон мы воздавали дань его жизни. Я показал на импровизированном экране снятое мной когда-то интервью с ним. Тогда дед рассказывал о нескольких забавных эпизодах своей жизни. Мы смотрели и вновь ощущали его присутствие. Несмотря на грустный повод, мы все равно были рады собраться вместе — пусть и без нашего патриарха.

Не успел я опомниться, как неделя пролетела, и я вновь оказался в Окленде. Мне потребовалось еще некоторое время, чтобы прийти в себя, вернуться к повседневной жизни и попытаться обдумать ближайшее будущее.

Я решил составить детальный план поездки в Россию. Нужно было все заранее просчитать, чтобы извлечь из нее максимальную пользу, поэтому я начал консультации с россиянами.

Через несколько месяцев мне пришлось, хоть и без всякого желания, разбираться с другой сложной ситуацией, на этот раз связанной с Маргаритой. Она внезапно захотела поговорить о наших отношениях. Я не знал, чего ожидать от этого разговора, — по-моему, у нас все шло отлично. Мне было хорошо с ней, и, казалось, ей со мной. Однако теперь, похоже, ее мнение изменилось. Она предлагала мне некоторое время пожить врозь. Я подумал, что ей приелась рутина в отношениях, и сказал, что готов переехать, если для нее так будет лучше. Однако дело было совсем в другом. По словам Маргариты, она воспринимала наши отношения совсем не так, как я. Я был по-настоящему влюблен в нее. Она так много значила для меня, что, даже находясь вне дома, я готов был говорить с кем угодно о ней и о том, как я горжусь нашим союзом. Но всего за несколько дней многое изменилось. Я ни в чем не виню ее. Насильно мил не будешь. Так я на это смотрю сейчас.

Мне было не так-то просто смириться с происходящим, но я не сомневался, что все наладится. Сегодня ты живешь с человеком, который тебе дорог, а завтра все меняется в одночасье. Я желаю ей только хорошего.

Я забрал все свои вещи из квартиры, где мы жили, и нашел себе новый дом в двадцати минутах оттуда. Буду честен с вами в этой части своей истории, хоть и не стану уделять ей много внимания: в действительности мне потребовался не один месяц, чтобы пережить случившееся. Я должен был с уважением отнестись к ее решению, я так и сделал. Я приложил все усилия, чтобы мы остались друзьями. А дальше мне следовало сосредоточиться на следующем пункте своего плана — поездке в Россию. До нее оставался всего месяц.

Третье путешествие в Россию

Голова у меня была забита событиями последних месяцев, но я продолжал готовиться к поездке в Россию: планирование входило в завершающую стадию. Михаил подготовил все для поездки в архангельский Дом ребенка и с нетерпением ждал нашей новой встречи.

На сей раз остановиться в России я должен был у Дианы Машковой — российской писательницы, журналиста и приемной мамы. Она участвовала в работе организации, помогающей подросткам из детских домов находить семьи, и обеспечивала поддержку семьям, воспитывающим приемных детей. Я познакомился с ней в 2015 году на съемках телешоу в Москве и с тех пор поддерживал контакт. Мой проект вызвал у нее живой интерес, и мы рассчитывали на плодотворное сотрудничество. Я собирался остановиться в Москве на несколько дней, воспользовавшись гостеприимством Дианы, чтобы встретиться с подростками — приемными детьми и их родителями, а потом поехать в Дом ребенка моего родного Архангельска.

Однажды утром я обнаружил электронное письмо от советника Уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка, которая изъявила желание встретиться со мной. Понимая, что упускать такую возможность нельзя, я при первой же возможности написал ответ. Хотя в моем графике поездки в Россию был расписан каждый день, но дело того стоило, поэтому я отменил несколько запланированных ранее интервью.

Наконец, все было готово, и пришло время в третий раз отправляться в Россию. Мой рейс отправлялся вечером в Пекин, я должен был прибыть туда в четыре часа утра следующего дня. Затем мне предстояло провести

двенадцать часов в аэропорту в ожидании самолета на Москву. Да, путь в Россию предстоял долгий, но мне было чем занять время.

Я волновался, поскольку летел в Россию самостоятельно, но все организационные меры были приняты, и я не сомневался, что все пройдет хорошо. В России меня ждали друзья.

Мне удалось немного поспать, но большую часть полета я слушал музыку. У меня не было ни малейших сомнений в том, что все делаю правильно.

Когда мы приземлились в Пекине, там оказалось очень тихо. Впрочем, чего еще можно было ожидать в такую рань. Я не знал, как убить время. Оставалось бродить по обширному аэропорту из конца в конец. Связаться с кем бы то ни было я не мог, так что оставалось радоваться, что я сделал все нужные звонки и отправил сообщения перед вылетом. Так что я сидел и ждал, ждал... Никаких других занятий у меня не было. Время тянулось медленно. Сидя в пекинском аэропорту, я еще раз проверил, все ли у меня с собой, включая паспорт и авиабилеты. Ничего не происходило. Только ожидание.

Наконец, я подошел к терминалу, где начиналась посадка на московский рейс. Там уже собирались пассажиры. Было немного странно видеть, как у ворот, где час назад было пусто, столпилась добрая сотня человек. Меня оттеснили в конец очереди, но это было неважно: я знал, что самолет без меня не улетит.

Оказавшись на борту, я вновь задумался о ближайшем будущем. Меня ждала Россия, осталось всего лишь просидеть в кресле еще восемь часов. Только и всего. Вроде бы долго, но по сравнению с первым полетом — пустяки. День изрядно затянулся из-за смены часовых поясов. Я плохо понимал, сколько сейчас на самом деле времени.

Я думал о том, что все повторяется. Я сел в этот самолет, потому что принял такое решение. Я, и никто другой. Я захотел сделать это, потому что решил, что должен так поступить. И понимая, что время только-только перевалило за полдень, я все же уснул, поскольку изрядно вымотался, и нужно было набраться сил перед прибытием в Москву.

Вскоре я понял, что самолет приближается к Москве. Оставался всего час полета. Я подумал, что нахожусь очень далеко от дома, и никто из близких уже более двадцати четырех часов не имеет от меня известий. Друзья и родные, наверно, гадают, в какой точке мира я сейчас нахожусь.

Мы начали снижаться, и сквозь иллюминатор я увидел Москву. Было темно, она казалась просто россыпью огней. И я почувствовал, что совсем не волнуясь.

Здравствуй, Москва!

Самолет коснулся земли. Как только он остановился, пассажиры сразу повскакивали с мест. Это был какой-то маниакальный порыв, который не возможно было сдержать! Я подхватил сумку и направился к выходу. На этот раз никто меня не встречал. На паспортном контроле я как всегда попал в забавную ситуацию — обладатель российского паспорта не владеет русским языком. Я ведь всегда становился в очередь для россиян, потому что она двигалась быстрее. Но сотрудники паспортного контроля говорили по-английски, и все прошло благополучно. Теперь мне нужно было купить SIM-карту, чтобы дать знать друзьям о своем прибытии. Я не успел оглянуться, как оказался в такси.

У меня был адрес Дианы, и я позвонил ей, чтобы предупредить, что уже еду. Мне приятно было вновь оказаться в России. Я смотрел из окна на шоссе и никак не мог поверить, что опять здесь. Я вспоминал, насколько непохожей на Новую Зеландию показалась мне эта страна в первый раз. Я помнил, как волновался в 2013 году, готовясь к встречам со своими биологическими родителями. Трудно было поверить, что за такое недолгое время произошло так много перемен.

Поездка оказалась недолгой. Таксист, говоривший только по-русски, все же пытался побеседовать со мной и задавал мне вопросы. Я уже мог кое-как объясняться по-русски, но сразу предупредил, что говорю плохо. Так что водитель, чтобы поддерживать беседу, пользовался голосовым переводчиком. Это полезное изобретение оказалось как нельзя кстати, позволяя нам вполне сносно общаться, пусть и короткими фразами.

Наконец мы прибыли. Я еще раз позвонил Диане и ее мужу Денису. Было холодно, но я подготовился к русским морозам. Я уже успел связаться с мамой и папой и рассказал им, что благополучно добрался до дома, где буду жить. Кроме того, я сообщил о прилете Михаилу. Дома у Дианы я прошел

в отведенную мне комнату. В подарок принимавшей меня семье я привез сувениры из Новой Зеландии. Диана и Денис оказались очаровательными людьми, и я был искренне благодарен им за то, что они приютили меня.

Итак, я в России. Пора было приступать к осуществлению своего плана, но после быстрой смены часовых поясов сообщал я с трудом. Мне хотелось спать, хоть я точно знал, что из-за разницы часовых поясов выспаться как следует не получится. К тому же меня одолевали самые разные мысли: я не знал, что принесет мне следующая неделя и насколько осуществится все, что мне хотелось бы сделать.

Около пяти утра я проснулся и уже не смог заснуть. Немного подождав, я отправился на кухню, чтобы приготовить кофе. Вскоре вышла Диана, и мы обсудили предстоящую программу действий. Она поинтересовалась, не хочу ли я осмотреть Москву, и я, конечно, не стал отказываться. Показать мне город вызвалась подруга Дианы. Это был прекрасный способ прийти в себя после трудного перелета. Я приготовил камеры, мы сели в автомобиль и доехали до метро. Там Диана представила меня своей подруге, вызвавшейся быть моим гидом, а сама отправилась по делам. Подруга хорошо говорила по-английски, что значительно облегчило наше с ней общение. На вечер была запланирована встреча с подростками, выросшими в приемных семьях. День ожидался насыщенный, и это было здорово.

В метро мне открылось невероятное зрелище. Я еще не был в русском метрополитене, и он меня просто потряс. Москвичи видят его каждый день и давно привыкли, я же без усталости фотографировал станции.

Мы погуляли по Красной площади, я чувствовал себя настоящим туристом и непрерывно фотографировал. Мы также посетили Музей истории Москвы, где я увидел много такого, о чем прежде даже не догадывался. В Москве все, каждый камень — богатейшая история, на которую я смотрел с почтением.

После продолжавшейся несколько часов прогулки настало время встречи. Мы собрались в помещении, оборудованном большим экраном, на котором я мог показывать фотографии. Самым старшим из собравшихся подростков было восемнадцать лет. Все они очень интересовались моей работой, некоторые неплохо говорили по-английски. Я рассказал им о своей жизни с самого начала и до нынешнего дня. Это заняло немало времени, но я хотел, чтобы они получше узнали меня. Я показывал им фотографии Фангареи, где я вырос, и других мест в Новой Зеландии. Потом начались вопросы, на которые

я с удовольствием отвечал. Меня спрашивали, почему я захотел отыскать своих биологических родителей, если мне так хорошо живется в Новой Зеландии. В ответ я заметил, что всегда был любопытен. Я просто захотел узнать, кто они, — и ни разу не пожалел о том, что искал и нашел их. Я рад, что теперь у меня установились связи с Россией, моей родиной.

Меня также спрашивали, не хочу ли я когда-нибудь переселиться в Россию или остаться здесь надолго. На это вопрос мне было ответить проще: я с трудом представляю себе Россию как место своей жизни. Может, когда-нибудь, но явно очень нескоро. Трудно было даже подумать о том, чтобы покинуть страну, где я вырос, ради страны, где родился. Но, конечно, по-своему Россия мне нравится.

Наше общение продолжалось несколько часов, до позднего вечера. Но все когда-нибудь заканчивается, и вскоре настала пора возвращаться в квартиру гостеприимной Дианы. К счастью, на завтра у меня не было никаких планов. Зато послезавтра, в понедельник, мне предстояло лететь в Архангельск. Ближился день, которого так я давно ждал.

Посещение Архангельска и моего Дома ребенка

Так случилось, что в свой первый визит в Россию в 2013 году я посетил только Москву, Рыбинск и Санкт-Петербург, а об Архангельске даже не думал. Мои биологические родители давно уехали оттуда, я совершенно не хотел навещать приют, где провел начало жизни. И вдруг я почувствовал, что меня буквально тянет туда.

В воскресенье, во второй день моего пребывания в Москве, я отдыхал. Я познакомился с дочерью Дианы и мы еще раз прогулялись по центру города. Мы зашли в кафе рядом с железнодорожным вокзалом. Я проголодался, но, кажется, набрал гораздо больше еды, чем мог осилить, поскольку мне хотелось все попробовать. Мы вышли к реке. Я, как обычно, непрерывно фотографировал. Я не знал, вернусь ли туда когда-нибудь еще, и пользовался каждой выпадающей мне возможностью.

День пролетел быстро, и той ночью я отлично выспался. Конечно, я не мог не волноваться насчет завтрашнего дня, поскольку утром меня ждал самолет в Архангельск. Встать предстояло действительно рано, чтобы уже в шесть утра двинуться в аэропорт. Туда я попал вовремя и без каких либо затруднений. Пришлось даже немного подождать, пока не объявили посадку на мой рейс. Полет продолжался всего час, хотя мне он показался куда длиннее.

Помню, как я смотрел в иллюминатор идущего на посадку самолета и думал: вот здесь-то я и родился. Было приятно, наконец, увидеть этот город. Даже не верилось, что я все же попал сюда! В аэропорту меня ждали Михаил и несколько его знакомых.

Не знаю, как он это устроил, но, когда я появился в зоне прилета, там оказалось полно людей с фото- и видеокамерами. Широко улыбающегося Михаила я увидел сразу. Но он был не один — с ним были и мой единокровный брат Артем с женой Анастасией, и друг Михаила, и переводчица Настя. А еще — множество журналистов, представляющих самые разные СМИ.

Я подбежал к Михаилу и крепко обнял его. И он, и все остальные были рады мне. Я же смотрел по сторонам и не мог поверить, что наконец добрался до Архангельска. Находясь так далеко от дома, испытываешь странное ощущение. Мне приходилось даже делать усилие над собой, чтобы поверить, что это происходит на самом деле, — все казалось мне сном. Погрузившись в машину, мы отправились в первый пункт из нашей программы. Я не знал, куда мы едем, и обратился с вопросом к Насте, которая очень хорошо переводила. Можно было смело спрашивать о чем угодно, и благодаря Насте Михаил сразу понимал, что меня интересует. Вот и сейчас он ответил, что мы едем на кладбище.

Мне показалось странным, что он решил начать мой визит в родной город с такого экзотического места. Выяснилось, что он хотел, чтобы я навещил могилы его родителей — моих биологических бабушки и дедушки. С матерью Михаила мне довелось встретиться еще в свой первый приезд, и я помнил, что она очень старалась понять все происходившее. Потом она ждала, чтобы я навещил ее еще раз, но, к сожалению, я опоздал. Пока мы ехали на кладбище, я рассматривал из окна город и задавал множество вопросов. Михаил отвечал мне взаимностью, расспрашивая о моей жизни.

Так, обмениваясь накопившимися за время разлуки новостями, мы вошли на кладбище. Было очень холодно. Вместе со всеми я шел по дорожкам, и вскоре мы остановились у могил матери и отца Михаила, чтобы отдать им дань уважения. Михаил сказал, что очень доволен тем, что я побывал здесь, но жалеет, что я не застал его мать в живых.

Мы были вынуждены придерживаться жесткого графика, поэтому сразу после посещения кладбища направились в Дом ребенка. Впрочем, перед этим мы сделали короткую остановку у местного порта. Мы с Михаилом немного прошли, и он рассказал мне кое-что из истории Архангельска. Мои родители тоже гуляли здесь в 1994 году, перед тем как забрать из приюта меня и брата.

Признаться, я и сам не знал, чего ожидать от посещения Дома ребенка. Мы находились совсем рядом. Я увидел его из машины и сразу понял, что это именно он. Меня охватило волнение, я никак не мог успокоиться — необычное для меня состояние. Эмоциональное возбуждение, при котором

я и сам был не в состоянии понять, какие именно чувства испытываю. Ясно было лишь то, что я рад оказаться здесь.

Машина остановилась, мы вышли. Мне дали цветы, чтобы я преподнес их тем, кто будет встречать нас. Минуты тянулись невыносимо долго. Мы подошли к двери, я взглянул на табличку, пытаюсь прочесть ее, но мало что понял. Однако на Михаила и Настю мои успехи в овладении русским языком произвели впечатление. Все были сосредоточены, мне же не терпелось попасть внутрь.

Для начала нас представили охранникам и воспитательницам. Со мной поздоровалась женщина, назвавшаяся Ольгой. Она ухаживала за мной, когда я жил здесь в 1994 году, и помнила меня. Я, честно говоря, не мог поверить в происходящее. Полагаю, Ольга испытывала те же чувства. Нам обоим момент казался не совсем реальным. Я смотрел по сторонам, пытался заставить себя поверить, будто что-то узнаю, — и не мог. К тому же с тех пор, как я покинул этот дом, помещение успели перестроить, все было по-другому.

К моему приезду персонал успел подготовиться: на стенах для меня развесили фотографии; были и снимки начала девяностых годов, когда я жил здесь. Увидел я и некоторых детей, живущих там сейчас, и вот тогда-то впечатление стало действительно ошеломительными.

Я вошел в комнату, где когда-то размещалась моя группа. Теперь в ней было всего семеро малышей. Нас было куда больше, так что можно было порадоваться, что количество сирот сократилось. Сотрудники прилагали массу сил, ухаживая за детьми, среди которых было много больных. Мне хотелось как-то помочь им. Часы, проведенные в Доме ребенка, вызвали у меня очень сильные эмоции.

Я задал сотню вопросов, связанных с работой Дома ребенка. В тот день я много узнал и, как уже говорил раньше, нисколько не жалел о том, что принял решение приехать туда. На Михаила посещение приюта тоже произвело большое впечатление. Естественно, с нами была и Настя, переводчица. Лишь тогда Михаил впервые увидел документы о моем поступлении в Дом ребенка.

Дух Архангельска

Эти бумаги заполняла моя биологическая мать Татьяна, передавая меня в Дом ребенка. В них сообщалась лишь точная дата, когда я попал туда, и некоторые подробности, касавшиеся моего рождения. Я видел, с каким волнением Михаил воспринимал все эти сведения, и знал, что он жалел о том, что не был тогда в курсе о моем существовании. Он до сих пор не понимал, почему Татьяна не рассказала ему, что забеременела и родила. Думаю, и не поймет. Но я не раз говорил ему, что все вышло как нельзя лучше, и нужно быть благодарным судьбе за то, как она сложилась. Михаил, хоть и был расстроен, не мог не согласиться со мною.

После беседы и осмотра Дома ребенка настало время уходить. Я пообещал вернуться в ближайшую среду и продолжить осмотр. Покидая Дом ребенка, я испытывал самые разнообразные эмоции: пытался отыскать в памяти хоть какие-то обрывки воспоминаний о том времени, но никак не мог. Я был благодарен сотрудникам Дома ребенка за то, что они согласились встретиться со мною. Я хотел помочь им, и уверен, что смогу это сделать уже в недалеком будущем. Они знали и мою биографию, и о моем проекте.

Насте нужно было вернуться на работу, так что мы остались втроем — я, Михаил и наш водитель Паша. Я опасался, что языковой барьер не даст нам общаться, но все обошлось. Я с помощью онлайн-переводчика спросил о наших дальнейших планах. Михаил ответил, что мы едем в музей деревянного зодчества. Это популярный туристический объект в Архангельске, и мне давно хотелось посмотреть его. Родители были и показывали мне фотографии. Теперь и я с удовольствием ехал туда. Особенно кстати оказалась эта экскурсия после посещения Дома ребенка: получил время для того, чтобы немного успокоиться.

Минут через двадцать мы вылезли из машины. Я не знал, куда мы приехали; судя по всему, куда-то за пределы Архангельска. Хотя было всего лишь

три часа дня, уже начало смеркаться. Зимой дни в Архангельске очень короткие, а летом, наоборот, очень длинные. Причина этого — географическое положение почти на самой верхушке глобуса.

Языковой барьер не мешал мне общаться и шутить с Михаилом и Пашей. Я вынул видеокамеру, дал ее Паше и попросил его снять наш с Михаилом разговор. Я хотел, чтобы Михаил попытался разговаривать по-английски, и очень удивился, когда оказалось, что у него неплохо получается. Оказалось, мы вполне способны общаться и без переводчика. В тот вечер мы немало смеялись. Да, разговор шел с трудом, но мы вполне могли объясняться на несложные темы.

Мы успели дотемна обойти весь музей. Постройки-экспонаты, да и весь музейный городок поразили меня — я никогда еще не видел ничего подобного. Я уже настроился на завершение дня, но оказалось, что это еще не все. Михаил сказал, что мы приглашены на обед к другу его семьи, и, хотя мне жутко хотелось спать, интерес к новым людям пересилил.

Я спросил Михаила, много ли народу там ожидается. Он со смехом ответил, что я сам все скоро увижу.

Друзья, в чью квартиру мы приехали, очень хорошо знали Михаила. Я уже видел эту семью на его фотографиях, так что эти люди не были для меня совсем уж незнакомыми. В комнате, куда мы вошли, стоял большой стол, заставленный разнообразными яствами; я подумал, что будет трудно осилить столько еды. Все уселись за стол. Как нетрудно догадаться, никто из присутствовавших не говорил по-английски.

У меня был при себе телефон, так что я мог задавать простые вопросы, как, впрочем, и все остальные. Мы шутили и смеялись до глубокой ночи. Я наслаждался традиционным русским застольем! Все были очень любезны со мною и очень интересовались Новой Зеландией. Я много говорил, очень медленно произнося слова. Днем нам сообщили, что репортаж о моем посещении Дома ребенка сегодня вечером — как раз в то время, когда мы находились в гостях, — покажут по ТВ. Я не был уверен, что готов смотреть передачу о сиротском приюте, где побывал всего несколько часов назад.

Мы сидели за столом, пока не началась передача. Один из друзей Михаила очень разволновался, глядя этот сюжет. Я немного смутился, увидев себя на экране, Михаил же все время широко улыбался.

Сюжет начался с моей встречи с Михаилом в 2013 году, после чего перешел к нашему сегодняшнему посещению Дома ребенка. К моему удовольствию,

все было сделано очень грамотно и профессионально. После окончания передачи у собравшихся за столом появились новые вопросы. Они искренне интересовались, чем я занимаюсь. Я привык отвечать на эти вопросы и, как вы знаете, совершенно открыто рассказываю о своей биографии. В ней нет ничего секретного.

Между тем стало совсем поздно, и пора было отправляться домой. Первый день пребывания в Архангельске выдался насыщенным, но мне предстояло пробыть здесь совсем недолго, так что нужно было использовать время по максимуму. На следующий день предстояло продолжить знакомство с достопримечательностями, чему я был очень рад. Я хотел получше узнать город, где родился.

В ту ночь я уснул очень быстро, зато и проснулся рано, как было всякий раз, когда я приезжал в Россию. Было всего шесть утра, и я включил свет, но не хотел будить Михаила, который спал в соседней комнате. Впрочем, и он уже проснулся, так что все было в порядке. Мы с ним ночевали в маленькой, но милой квартирке, принадлежавшей его другу, которого сейчас не было в городе.

Михаил отправился в кухню и приготовил кофе и завтрак. Мне всегда было интересно, как живут люди в России. Присев за стол, я спросил его, что намечено на сегодня. Он ответил, что Паша уже едет сюда, а потом мы заберем по дороге Настю. У него были планы для меня на то время, пока я находился в Архангельске, но он старался держать их в секрете, чтобы каждый следующий шаг оказывался для меня сюрпризом. Впрочем, часть этих сюрпризов он выдал, когда я только готовился к вылету в Россию.

Прощай, Архангельск

После того как к нам присоединилась Настя, общение пошло куда легче. Не так-то просто вести беседу с помощью телефонов, как мы делали последние двенадцать часов. Мы отправились в один из музеев, находившихся в окрестностях порта. Там было очень много материалов по истории Архангельска, с которой мне хотелось познакомиться.

Я внимательно осмотрел экспозицию и задал множество вопросов. Время шло быстро. Я был очень рад, что в этот день выдалась возможность расслабиться. Михаил сказал, что вечером мы приглашены на обед к моему единокровному брату. Оставшуюся часть дня мы посвятили посещению друзей Михаила. Оказывается, когда в Архангельске приходишь к кому-нибудь в гости, тебя всегда ждет стол, заставленный едой. Вряд ли когда-нибудь еще мне доводилось столько съесть за один день. Этот русский обычай гостеприимства произвел на меня большое впечатление.

Настя предложила мне посетить школу, где она работала, и поговорить с детьми. Ученики, хоть и совсем маленькие, неплохо говорили по-английски. Настя хотела, чтобы я рассказал им о Новой Зеландии и ответил на их вопросы. Я не стал отказываться. Мне никогда не доводилось бывать в подобной школе — она оказалась очень грамотно устроена. Школьники и их родители уже собрались. Я встал перед классом, и дети тут же засыпали меня самыми разными вопросами. Похоже, я казался им существом с другой планеты.

Часы, проведенные за разговором с детьми, приятно развлекли меня. Мне задавали самые неожиданные вопросы: например, есть ли в Новой Зеландии телевидение и в каких домах мы живем. Родители смеялись над детской наивностью, а я старательно отвечал на вопросы. Дети очень серьезно относились к ним, а я изо всех сил старался не сбить этот настрой. Так прошло несколько часов, и нам с Михаилом и Пашей настала пора уходить. Настя

осталась в школе: у нее были уроки. Меня это изрядно разочаровало — она очень помогала нам своими переводами, но я понимал, что она не могла уделить нам много времени. Выйдя из школы, мы прогулялись по городу. Мне нравилось в Архангельске, хотя предстоял еще и насыщенный вечер — как я уже говорил, Михаил запланировал обед у своего сына.

Да, день снова выдался нелегким, но я был доволен проведенным временем. Я знал, что мне предстоит последняя ночь в Архангельске, потому что уже завтра я должен буду вылететь в Москву. Вечер получился хорошим и прошел быстро. На завтра, как мне было известно, планировалось еще одно посещение Дома ребенка. На сей раз мы отправлялись туда только втроем: я, Михаил и Настя.

Проснувшись утром, я почувствовал, что начинаю привыкать к разнице часовых поясов и уже не испытываю той разбитости, которая мучила меня в первые дни. Я был готов к очередному насыщенному дню в Архангельске. Путешествие получалось незабываемое.

На этот день было намечено еще несколько походов в гости. Кажется, Михаил хотел познакомить меня с как можно большим количеством людей. Я спросил его, могу ли я написать открытку нашей переводчице Насте, которая так много помогала нам. Я очень хотел хотя бы так оценить ее труд и выразить свою благодарность. Мы не без труда, но все же нашли канцелярский магазин. Я сказал тогда Михаилу, что в жизни надо стараться как можно чаще благодарить людей. Люди никогда не забывают мелочей. Я был рад, что сделал это, а Настя оказалась приятно удивлена, когда я вручил ей открытку.

Шел последний день моего пребывания в Архангельске, но я с удовольствием задержался бы здесь еще. Дни пролетали слишком быстро — или, возможно, дело было в том, что я постоянно был чем-то занят. Я пообещал сотрудникам Дома ребенка, что навещу их в среду, и сдержал слово. Мы вновь ехали в автомобиле, и я направлялся туда же, где побывал в понедельник. На сей раз я хотел пройти по приюту в обществе только Михаила и Насти и расспросить сотрудников. Мне хотелось узнать немного больше об этой организации. И мне показали гораздо больше, чем при первом посещении.

Я заглянул во все помещения, предназначенные для детей. В Доме ребенка оказалось много медицинских комнат. Комнат для развивающих занятий. Очень тяжело было услышать, что не все из больных детей выживают. Я испытал сильное эмоциональное потрясение, узнав об этом, и вызвался

помочь всем, что в моих силах, но воспитатели сказали, что бывают случаи, когда просто ничего нельзя сделать.

Я хотел также посмотреть места, где я играл ребенком. Меня проводили на детскую площадку. Хотя здание и участок подверглись реконструкции, кое-что осталось там же, где и раньше. Поэтому я испытывал странные ощущения, рассматривая картины, которыми здание было разрисовано снаружи и которые я видел на старых фотографиях — они тоже сохранились. Особых эмоций не было, но узнавая какие-то детали, я утверждался в мысли, что когда-то был здесь. И это меня радовало.

Потратив несколько часов на то, чтобы осмотреть Дом ребенка со всех сторон, мы сели в машину и снова поехали по гостям. Ближе к вечеру мне нужно было оказаться в аэропорту, чтобы лететь в Москву. К великому разочарованию мой рейс задержали на четыре часа. В Москву мне предстояло попасть только глубокой ночью. Впрочем, это не испортило мне радости от визита в Архангельск.

В аэропорту мы первым делом проводили улетавшего в Санкт-Петербург Михаила, а затем продолжили ожидание с остальными провожающими. Мы просидели допоздна, разговаривая через переводчик в телефоне. В Москву я попал лишь в час ночи, а ведь нужно было еще доехать на такси до дома Дианы.

До постели я добрался только около двух часов ночи. Я был очень рад, что наконец-то осуществил важную часть своего плана. Все прошло хорошо, и жаловаться было не на что. Спасибо вам, жители Архангельска! Мне очень понравилось у вас, я уверен, что скоро навещу вас снова.

Утром я проснулся поздно. По плану у меня был выход в город. Если в первый раз я встречался с приемными детьми, то теперь мне предстояла встреча с родителями, воспитывающими приемных детей.

Возвращение домой

График оказался не столь напряженным, как я опасался, даже несмотря на то, что у меня оставалось лишь несколько дней до возвращения в Новую Зеландию.

В Москве у меня захотели взять интервью для документального фильма. Конечно, я не смог отказать. Мы договорились встретиться со съемочной группой в кафе. Диана помогла мне отыскать нужное место, и, войдя в помещение, я увидел множество телекамер. Я плохо понимал, что происходило, но мне было интересно, как меня представят. Интервью должна была проводить известная русская журналистка и публицист Катерина Гордеева.

Я по мере сил подготовился, так что имел представление о том, чем она занимается. Катерина решила сделать короткий документальный фильм о моей биографии и том, что я делаю. Мы сели, и я в очередной раз пересказал свою историю. На Катерину мой рассказ произвел впечатление, она даже заметно оживилась, когда я заговорил о важности семьи. Не стану пересказывать здесь это интервью, но я был рад, что эта встреча состоялась.

Покинув кафе, я поспешил на встречу с родителями приемных детей. Я ждал этой встречи, поскольку она давала взгляд с другой стороны — не приемных детей, а взрослых, взявших их на воспитание. Я с готовностью отвечал на вопросы. Затянувшийся на несколько часов разговор проходил в просторном помещении для презентаций. У меня была подготовлена масса материалов, включавшая, помимо собственно рассказа о моей жизни в Новой Зеландии, фотографии родителей и информацию о моем проекте. Многие из вопросов были трудными, потому что на них не существовало однозначно верных ответов. Одна из матерей сказала, что ее дочь очень тяжело переносит свое положение, и она не знает, как можно разыскать ее биологических родителей.

Многие родители тревожились, считая, что их дети слишком малы для подобных поисков и что многие из них слишком рано задумываются об этом. Я ответил, что, наверное, с поиском лучше подождать, пока они вырастут. Для раннего возраста поиски слишком сложны, а их результаты могут обернуться разочарованием. Чтобы верно понять все, что произошло и происходит, нужно получить какой-то жизненный опыт.

В тот вечер я не оставил без ответа ни один вопрос, хотя и не всегда был уверен, что верно понимаю, о чем меня спрашивают. Некоторые вопросы порой ставили меня в тупик! Уже поздно вечером я вернулся к Диане с ощущением еще одного дня, прожитого не зря.

До моего отъезда оставались еще сутки. Я волновался, зная, что завтра мне предстоит встреча с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. Вроде бы повода для беспокойства не было, но я не мог взять себя в руки.

На следующее утро я проснулся как обычно. Нужно было ехать на метро; меня сопровождала Диана, оказавшая этим мне огромную помощь. Прибыв на место и миновав охрану, мы оказались в просторном зале для заседаний. Там нас встретили Наталья и Лариса, глава аппарата Уполномоченного по правам ребенка. Моя презентация была готова, и, услышав несколько шуток, я совсем успокоился. Мне предложили еще немного подождать.

Я хотел заинтересовать Уполномоченного и его представителей и не сомневался, что им понравится то, что я делаю. Рядом со мною неотлучно находилась Диана, помогавшая мне отвечать на вопросы. Она хорошо знала мою историю и была способна объяснить какие-то вещи, разговор о которых давался мне с трудом. Мне было приятно то, с каким вниманием ознакомились с моей работой и расспрашивали меня о том, как работает проект, кто его финансирует и как люди находят своих родственников. Я ответил, что делаю все сам. Что все финансирование идет из моего собственного кармана, что люди действительно находят родню, что очень многие делятся своими историями и что иметь ресурс, специально предназначенный для помощи в этом деле, было бы замечательно. Проект прошел длинный и непростой путь, но я рад тому, что его удалось довести до этой стадии. Тем более что очень много для него я делаю сам. Я очень беспокоился, как бы не сказать что-то не так, но все прошло просто замечательно. У меня было ощущение, что я сделал большой шаг в своей работе.

Остаток дня заняли радиоинтервью. Я рассказывал о своем проекте представителям нескольких станций. День выдался напряженным, но мне нравилось, как он шел. А я ведь еще пообещал устроить новозеландский обед для Дианы и ее семьи, и не мог не сдержать слова! Мне не удалось приготовить жареную баранину — не смог найти подходящего мяса, — но жареная курятина тоже представлялась мне неплохой идеей.

Заканчивался утомительный и для меня, и для Дианы день. По дороге мы зашли в супермаркет, чтобы купить все для обеда, который я намеревался приготовить. Я понимаю, что эта часть рассказа начинает походить на поваренную книгу, но поверьте, я не стану распространяться о подробностях приготовленного мною тем вечером обеда. Скажу только, что моим друзьям он действительно понравился.

Я рассказал Диане и ее родным обо всем, что успел сделать в этот приезд. Сам удивляюсь, но удалось осуществить все намеченное! Я встретил людей, влияние на мой проект которых в будущем может быть очень важным и полезным. И посетил свой Дом ребенка.

Вечер прошел тихо, следующий день тоже ожидался спокойным. Никаких планов. Совершенно никаких. В аэропорт мне нужно было только к вечеру, и я решил просто отдохнуть. Я поздно встал и, признаюсь, довольно долго просматривал видеозаписи и фотографии, сделанные за время этой поездки. Мне как-то не верилось, что я уже сегодня улечу домой.

С утра я все упаковал и убедился, что ничего не забыл. Я увозил с собой так много подарков, что едва удалось застегнуть сумку! За них я был искренне благодарен людям, с которыми мне довелось встретиться, и эту благодарность трудно передать словами.

В первой половине дня я гулял недалеко от дома, где жил. Было тихо и холодно. Шел снег, и я сделал несколько снимков, чтобы отправить их домой. Я постоянно поддерживал контакт с мамой и папой, которым мои фотографии и видео были очень интересны.

После обеда я заказал такси в аэропорт. Начался невысказанно длинный путь домой. Пожалуй, с таким опытом я уже никогда не буду жаловаться на продолжительность полетов! Объявили посадку, и мы вылетели в Пекин. На сей раз время прошло быстро, так как я проспал большую часть пути. В Пекине я убил время, гуляя и катаясь на автобусе, а остаток вечера до отправки самолета в Новую Зеландию провел в зале ожидания.

Оставалась заключительная часть перелета. Она начиналась в час ночи, и, когда объявили посадку, я был счастлив.

Двенадцать часов, и я дома. Снова я получил уникальный опыт. Вновь посетил Россию. На сей раз я сумел сделать все, что хотел. Достиг того, чего хотел достичь.

Я благодарен родителям за все, что они сделали для меня. Это и мои мама и папа, и биологические родители. Родителям я глубоко благодарен за то, что они вырастили меня и сделали меня тем, кем я стал. Я благодарен также моим биологическим родителям, за то, что появился на свет, и за то, что они согласились общаться со мною. Благодаря этому моя семья увеличилась, и после личного знакомства с ними в 2013 году у меня, кроме новозеландской семьи, появилась еще и русская. А семья — это важно для каждого.

P.S. Если вы намерены отыскать своих биологических родителей, не торопитесь. Действуйте не спеша, и вы будете готовы ко всему, что случится на вашем пути. Идеальных историй не бывает, зато всегда можно получить поддержку со стороны других приемных детей.

Спасибо.

Отдельная Благодарность

Маме и папе. Всей моей семье. Моим биологическим родителям, живущим в России, за то, что они предоставили мне возможность встретиться с ними. Всем участникам проекта I'm Adopted, включая тех, кто делился в нем своими историями. Моим соратникам в I'm Adopted и тем, кто помогает переводить истории. Спасибо вам! Я счастлив, что помог всем вам наладить взаимосвязи.

Тем, кто помогал в поисках кровных родителей и встречах с ними, кто вдохновлял и поддерживал в написании книги.

Тем, кто читал черновики этой книги, чтобы она стала замечательной. Редакторам и всем причастным к подготовке и изданию этой книги.

Простите, если я кого-то пропустил. Вас — тех, кто помогает и доверяет мне, много, и я знаю всех. Ваша поддержка неоценима, и я просто счастлив, что помогаю жителям всего мира восстановить утраченные связи. Такова была моя цель, и я рад, что достиг ее.

Спасибо!

Алекс Гилберт

Конец

Один из крупнейших семейных фондов в России. Семья Тимченко занимается благотворительностью в России и за рубежом более 25 лет. В 2010 году с целью достижения долгосрочных результатов семейной благотворительности был создан Фонд Тимченко, программы которого реализуются с фокусом на развитии малых территорий. Деятельность Фонда направлена на поддержку активного долголетия, развитие непрофессионального детского спорта, решение проблемы социального сиротства, развитие регионов России средствами культуры, международное гуманитарное сотрудничество. Эти стратегические направления нацелены на системное решение социальных проблем в России, а также способствуют укреплению международных связей.

Фонд помогает людям, меняющим к лучшему свою жизнь и мир вокруг себя, и работает ради настоящего и будущего страны.

Официальный сайт Фонда:

www.timchenkofoundation.org

Оглавление

	Право быть собой	5
	Новый взгляд на тайну усыновления	7
<u>ГЛАВА 1</u>	Начало	9
<u>ГЛАВА 2</u>	От детства к юности.	14
<u>ГЛАВА 3</u>	Первые поиски.	18
<u>ГЛАВА 4</u>	Я нахожу своих кровных родителей.	21
<u>ГЛАВА 5</u>	На связи.	26
<u>ГЛАВА 6</u>	Первая поездка в Россию.	31
<u>ГЛАВА 7</u>	Встреча с Михаилом.	38
<u>ГЛАВА 8</u>	Снова дома.	44
<u>ГЛАВА 9</u>	Новые контакты.	47
<u>ГЛАВА 10</u>	«Моя русская семья».	50
<u>ГЛАВА 11</u>	«Я — приемный ребенок».	54
<u>ГЛАВА 12</u>	Ток-шоу.	58
<u>ГЛАВА 13</u>	Прощание с Москвой.	65
<u>ГЛАВА 14</u>	Цели.	69
<u>ГЛАВА 15</u>	I’m Adopted растет.	73
<u>ГЛАВА 16</u>	Прощания.	78
<u>ГЛАВА 17</u>	Третье путешествие в Россию.	80
<u>ГЛАВА 18</u>	Здравствуй, Москва!.	82
<u>ГЛАВА 19</u>	Посещение Архангельска и моего Дома ребенка.	85
<u>ГЛАВА 20</u>	Дух Архангельска.	89
<u>ГЛАВА 21</u>	Прощай, Архангельск.	92
<u>ГЛАВА 22</u>	Возвращение домой.	95
	Отдельная благодарность	100

Гилберт Алекс

Я – приемный сын

Руководитель проекта *А. Рысяева*
Арт-директор *Л. Беншуша*
Дизайнер *М. Грошева*
Корректор *И. Астапкина*
Компьютерная верстка *Б. Руссо*

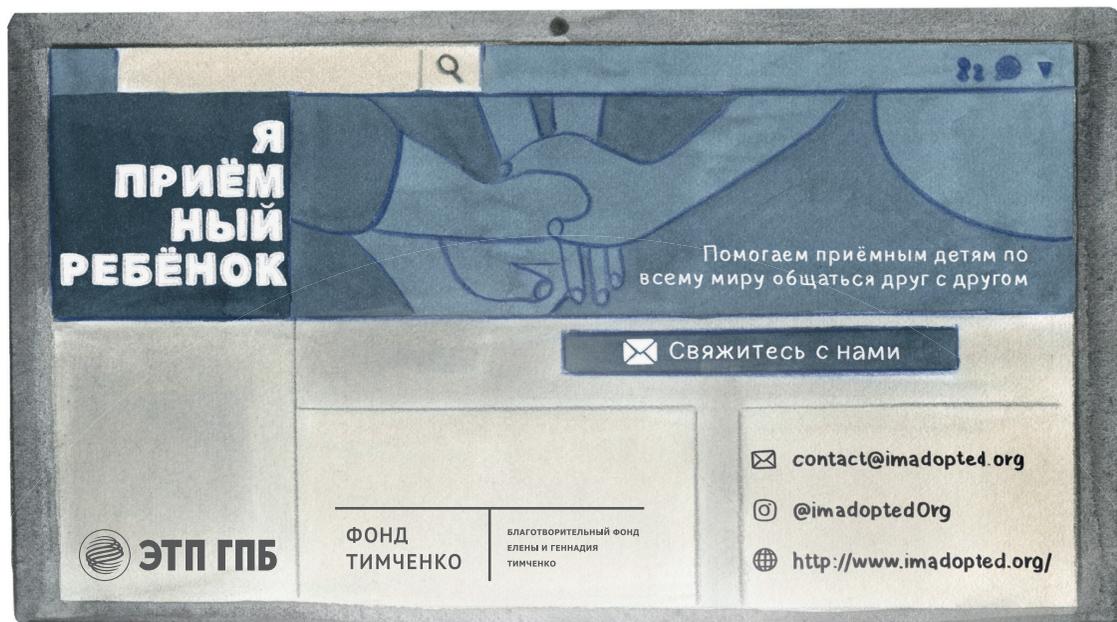
Подписано в печать 09.11.18. Формат 60×90/8.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 13 печ. л. Тираж 3000. Заказ №

ООО «Альпина Паблицер»
123060, Москва, а/я 28
Тел. +7 (495) 980-53-54
www.alpina.ru
info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон №436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

История Алекса Гилберта — о поисках и волнительных путешествиях, открытиях и секретах прошлого, встречах и расставаниях, дружбе и семейных отношениях.

Алекс, родившийся в Архангельске, в раннем детстве был усыновлен семьей из Новой Зеландии. В своей книге он рассказывает о том, как искал и нашел биологических родителей, участвовал в популярном телешоу, узнавал Россию изнутри, и о чувствах, которые испытал на этом пути.

Воодушевленный собственными успешными поисками, Алекс создал онлайн-проект I'm Adopted — «Я — приемный ребенок», призванный помочь усыновленным детям по всему миру находить биологических родителей и получать ответы на вопросы о своем происхождении. Даже самые сложные жизненные ситуации и драматические события могут стать источником вдохновения, а трудности — это вызов, чтобы изменить мир, где будет больше добра и помощи друг другу!

